

П. И. ЯКУШКИН

Публикация П. Д. Ухова

Вступительная статья и комментарии А. И. Баландина

Среди корреспондентов Киреевского, доставлявших ему свои записи, Павел Иванович Якушкин (1822—1872) занимает особое место. Один из первых в истории науки профессиональных собирателей фольклора, писатель-демократ, активный участник революционного движения 1860-х годов, он был самым ревностным помощником Киреевского в собирании народных песен. В январе 1846 г. Киреевский писал Н. М. Языкову: «...Якушкин и князь Костров собрали множество песен <...> они собирали для меня и по моему заказу. Это двое юношей, с которыми я очень желал, чтобы ты познакомился, потому что они оба обещают быть полезными деятелями»¹. А в предисловии к своей публикации «Русские народные стихи» (1848) он заявлял: «...П. И. Якушкин, который с неутомимой благородной ревностью к этому делу исходил пешком многие и многие губернии, единственно с целью собирать песни, и в своей любви к русской народности находя силы бороться со всеми трудами и препятствиями, весьма значительно обогатил мое собрание песнями костромскими, тверскими, рязанскими, тульскими, калужскими и орловскими»². По словам самого Якушкина, он занимался собиранием песен для Киреевского более двадцати лет³. Его материалы вошли не только в Собрание песен Киреевского, но и в собрания сказок и легенд А. Н. Афанасьева, и в собрание пословиц и поговорок Даля. Его собственный сборник народных песен (1860) до сих пор является настольной книгой каждого фольклориста. Фольклорными материалами насыщены очерки и рассказы Якушкина, пользовавшиеся среди демократических читателей 1860-х годов большой популярностью. Деятельность Якушкина-фольклориста и писателя заслуживает серьезного изучения.

Как собиратель фольклора, Якушкин сформировался довольно рано, и этим он во многом обязан той среде, в которой родился и вырос. Сын небогатого помещика и крепостной крестьянки, он прошел в детстве суровую школу жизни. Уже в Орловской гимназии, где Якушкин получил первоначальное образование, у него, по словам Лескова, начало формироваться то «направление к простонародности»⁴, которое вскоре переросло в страстное желание узнать жизнь народа, познакомиться с его самобытным творчеством. Тогда же и были сделаны им первые записи народных песен, до нас не дошедшие. Став студентом Московского университета (1840), Якушкин продолжал собирание фольклора, чем обратил на себя внимание Киреевского. По его совету Якушкин начинает уже систематически собирать произведения народного творчества.

Киреевский вводит Якушкина-студента в дом Аксаковых, где ему оказывают самый радушный прием. Вскоре Погодин привлекает Якушкина к сотрудничеству в «Москвитянине». В декабрьской книжке журнала за 1844 г. был напечатан его первый рассказ «Народные сказания о кладах, разбойниках, колдунах и их действиях», написанный в форме беседы между стариком рассказчиком и двумя собирателями.

Публикация рассказа сопровождалась примечанием Погодина. Сообщая о том, что Якушкин намерен отправиться в длительное путешествие по всей России «для собирания остатков нашей народности», Погодин писал: «Усердно желаем ему успеха и в следующих номерах познакомим читателей еще более с целью его

путешествия, которое может принести великую пользу, *если будет совершено, как должно* ⁵. Издатель «Москвитянина» имел тут в виду специально написанное им «наставление» Якушкину — своеобразную программу для собирания фольклорно-этнографических материалов ⁶. В наставлении Погодина есть замечательные страницы. Требование записывать песни «как они пропоются», «без всяких поправок», советы использовать торговлю офенским товаром в качестве предлога для знакомства с сельскими певцами — все это Якушкин хорошо усвоил еще на студенческой скамье. Однако в наставлении Погодина встречаются требования, которые, в сущности, уводили молодого собирателя в сторону от намечавшейся столбовой дорожки в русской фольклористике. Это прежде всего ориентация на предметы старины и архаики. Как увидим ниже, Якушкин мало следовал этим указаниям. Деятельность Киреевского и, надо полагать, знакомство со статьями Белинского оказали на творческое развитие Якушкина куда большее влияние, нежели советы Погодина.

После окончания университета в 1845 г. ⁷ Якушкин некоторое время живет в Москве, совершая кратковременные походы за песнями. Вскоре Киреевский отправляет его в более длительное путешествие по центральным губерниям России. Якушкин становится «корреспондентом» знаменитого собирателя.

Выход Якушкина за песнями — явление для того времени исключительное. И. П. Сахаров, И. М. Снегирев и другие его предшественники собирали народные песни между делом, «при исполнении других служебных обязанностей». Якушкин же впервые в истории науки становится профессиональным собирателем, и в этом его историческое значение. Принципы собирания народных песен, выработанные Якушкиным во второй половине 1840-х годов, не утратили своего научного значения и в наши дни. Точность записи — один из важнейших принципов собирательской деятельности Якушкина. Эта точность достигалась прежде всего тем, что Якушкин записывал непосредственно с голоса. Он стремился передать своеобразие песенного напева, используя для этой цели всевозможные повторы, усилительные частицы и т. п. Бережное отношение к тексту сказалось, между прочим, и в том, что Якушкин широко пользовался фонетической записью. Рассмотрим с этой точки зрения песни, записанные им в с. Кобылянка Ефремовского у. Тульской губ. Эти песни (НС № 1726—1747) — типичный образец якушкинских записей. Собиратель отметил многие черты, характерные для южновеликорусских говоров:

1) мягкое *-т'* в третьем лице глаголов (и в единственном и во множественном числе):

К нам весна скоро придеть...
Сгонить снежки, весь мороз (№ 1727);

2) отсутствие глухого губного фикативного согласного *ф*;

3) отсутствие цоканья, т. е. различие согласных *ц* и *ч*:

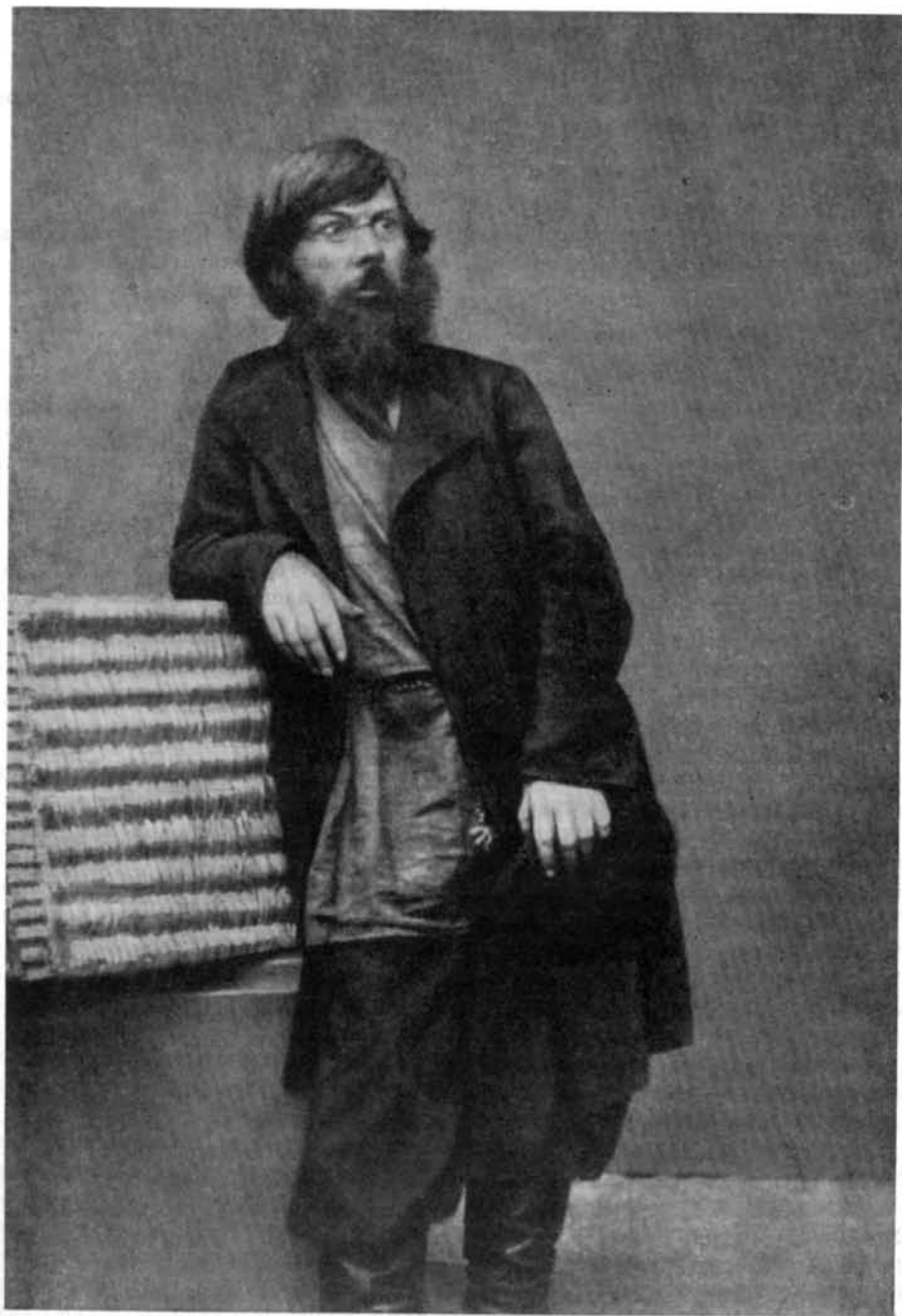
Было у ней счастьеце —
Ни могла в руках держать:
Любила молодчика —
Не могла любовь признать (№ 1726);

4) окончание *-е* в родительном — винительном падеже личных местоимений единственного числа:

Маладой жине расписчато письмо,
Малым детушкам баславенья от мене (№ 1730).

Тульская группа говоров, входящая в состав южновеликорусского наречия, характеризуется, как известно, умеренным яканьем, т. е. зависимостью гласного первого предударного слога от твердости или мягкости следующего за этим гласным согласного. Если согласный твердый, то на месте *е, о, а* в первом предударном слоге после мягкого согласного является *а*, если же этот согласный мягкий — *и* или *е*, например: *б'ада, в'асна*, но *в'ид'и, н'ис'и* или *в'ед'и, н'ес'и*. Эту особенность тульской группы говоров отметил в своих записях и Якушкин:

Прилятал сакол домой, домой,
Он ложилси, мальчик, на покой (№ 1733).

П. И. ЯКУШКИН

Фотография. Н.-Новгород, конец 1860-х годов

Литературный музей, Москва

Но:

Сказала ему девушка
Ни радостную весть,
Всё да печальную (№ 1734).

В южновеликорусских говорах шире, чем на севере, наблюдается отсутствие у глаголов третьего лица согласного *-т*:

К нам весна скоро придеть,
Весна прииде, сонцо взойде (№ 1727).

Родительный падеж единственного числа мужского и среднего рода прилагательных и различных неличных местоимений в южновеликорусских говорах имеет в окончании согласные *γ* и *ε*. В записях Якушкина представлен лишь *ε*:

Остаютца ево дети
Горький сироты (№ 1732).

Однако указанные выше черты южновеликорусских говоров в записях Якушкина отмечены крайне непоследовательно. Так, наряду с типичным для южновеликорусских говоров окончанием *-т'* в третьем лице глаголов встречается *-т*:

На той речки, на той быстрой
Куст малинушки растет (№ 1727).

Наиболее характерная черта южновеликорусских говоров — *аканье*, т. е. неразличение в безударном положении гласных *о* и *а*, в записях Якушкина не отмечена:

Ты, соловьюшко маленькей,
Голосочек тоненькей,
Ты ни пой, ни свищи —
Мово дружка ни грусти (№ 1728) и т. д.

Все это наводит на мысль, что рассматриваемые песни Якушкин записывал от какого-нибудь жителя северных губерний, но уже продолжительное время живущего в Тульской губ. Возможно также, что Якушкин сам не до конца выдерживал фонетический принцип записи: на полях его тетрадей нередко можно встретить такие, например, заметки: «Не могу решить: как говорят *а?* Что-то среднее между *а*, *я* и *и*».

К необходимости фонетической записи Якушкин пришел не сразу. В начале 1840-х годов методика его записи, например, еще ничем не отличалась от методики записи его современников. Однако уже в середине 1840-х годов он начинает весьма тщательно сохранять все особенности народной речи. В его публикуемом ниже фольклорном дневнике 1846 г. читаем: «Несмотря на все мое желание удержать выговор при записывании песен, я здесь скоро решусь писать простонародно. Выговор первоначальный ужасно путается. Недалеко от Зарайска, следовательно, народ модный... один житель произносит *лядок*, другой — *лядок*, *ледок*»⁸.

Другим важным принципом собирательской деятельности Якушкина является фронтальное обследование фольклора определенной местности. Так, им был записан, например, почти весь репертуар жителей д. Андроновки Лихвинского у. Калужской губ. Принцип фронтальной записи, выработанный Якушкиным в середине 1840-х годов, имеет выдающееся научное значение. Он позволяет нагляднее представить весь репертуар жителей того или иного села, области, края. Собранный материал в свою очередь позволяет сделать важные выводы о художественных вкусах народа, об исторических судьбах народной поэзии (особенно при повторных записях).

Важным открытием собирателя явилось также ведение фольклорного дневника. Дневник давал возможность охарактеризовать ту обстановку, в которой бытуют народные произведения. Это как раз то, чего позднее требовал от собирателей фольклора Добролюбов⁹. К сожалению, дневники Якушкина, предвосхитившие высказывания Добролюбова, в свое время не были напечатаны и лишь только теперь становятся достоянием науки¹⁰.

ТЕТРАДЬ С КОПИЯМИ ПЕСЕН,
ЗАПИСАННЫХ
П. И. ЯКУШКИНЫМ
(Орловская губерния, 1843
Обложка
Индекс рукою Якушкина
Библиотека СССР им. В. И. Ленина,
Москва

В начале 1840-х годов Якушкин записывает преимущественно лишь традиционные крестьянские песни, однако очень скоро он начинает записывать и «новые» песни, хотя и не ценит их. Записав, например, песню «Вдоль по улицы мителица митеть», он, обращаясь к Киреевскому, отмечает: «Вот вам, почтеннейший Петр Васильевич, пишу песню, в которой *тирзан* играет важную роль. Мне ее пел мальчик лет 10: что же споют большие? Верно, песни еще молодые... Сижу в липовой роще и жду главного песельника сельца Гололобова: он говорит, что знает много старинных песен. Дай-то бог!»¹¹. По-видимому, в это время Якушкин записывал только народные песни. Позднее он обратился ко всем жанрам фольклора.

Якушкина интересовали не только материалы фольклора. В его рязанских тетрадях 1847 г. сохранился, например, интересный набросок этнографического беллетризованного очерка (помеченный 6 апреля). В этом незаконченном очерке проявилась самая характерная, пожалуй, черта Якушкина-фольклориста: пристальное внимание не только к историческому прошлому русского народа, но и к современной народной жизни, к нуждам и запросам простых людей.

Якушкин путешествовал на средства Киреевского, но их явно не хватало. Попытка Дала ввести Якушкина в круг научных интересов Русского географического общества (это освободило бы собирателя от многочисленных полицейских приди-рок и упрочило бы его материальное положение) окончилась неудачно. И в 1849 г. Якушкин вынужден был приступить к педагогической деятельности. Занимая должность учителя истории и географии в уездных училищах Харьковской губ., он продолжал собирать народные песни. В Харькове он изучал солдатский быт, следя за рекрутскими наборами, «толкаясь» среди раненых в открывшемся там во время Крымской войны военном госпитале. Весной 1856 г. он выходит в отставку, переезжает в орловское имение своей матери — Сабурово и вскоре, согласно завещанию умершего в этом году Киреевского, приступает к подготовке его Собрания песен к печати. В начале 1858 г. Якушкина, однако, отстраняют от издания песен Киреевского (см. об этом выше, на стр. 85—91 настоящей томы), и в конце года он отправляется в путешествие по северным губерниям России в качестве корреспондента журнала «Русская беседа».

О своей поездке на Север Якушкин рассказал впоследствии в «Путевых письмах из Новгородской губернии»¹². Разыскания старинных печатных книг и предметов древнего обихода занимали значительную часть его времени. Об этом свиде-

тельствуют не только письма Якушкина к Погодину¹³, но и многие страницы его путевых дневников. На первый взгляд кажется, что по городам и селам Новгородской губ. путешествовал корреспондент Погодина, ревностно исполняющий все его наставления и советы. Между тем такой вывод был бы совершенно неправильным.

В путевом дневнике Погодина за 1841 г. можно встретить такие строки: «Чтоб узнать короче народ и понять его действия, прошедшее и настоящее, чтоб привязаться к нему крепче, надо становиться чаще лицом к лицу с ним, в разных положениях и отношениях, а издали, и сквозь бумаги, многое кажется иначе»¹⁴. Однако во время своих многочисленных поездок по стране Погодин меньше всего интересовался жизнью народа. Его дневники в основном заполнены описанием церквей, соборов и монастырей. О народе северных губерний Погодин писал: «Жители вообще довольно набожны и привержены к церкви»¹⁵. Такой взгляд на русский народ был характерен не только для Погодина, но и для славянофилов. Но вот что пишет в «Путевых письмах» Якушкин: «Часто случается, что в церкви, кроме попа да дьячка, народу нет, но в Великом Новгороде этого не хотелось бы видеть. Мы, ездивши по церквам во время вечеров, находили все церкви пустыми, а в одной из самых древних церквей, в церкви Спаса, и попа не нашли: поп пошел, кажется, в острог служить; видите, этот поп служит и здесь и к острогу *прикомандирован*». Местные достопримечательности Якушкин нередко описывает без всякого пиетета. «Новгород, — пишет он, — чрезвычайно похож на кладбище, усеянное памятниками. Умерла воля новгородская, остались одни памятники, да и те по возможности испорчены»¹⁶. А в главе о Старой Руссе он прямо заявляет: «Военные поселения (<...>) заслонили собою память о старине»¹⁷.

Жизнь простых людей, их настроения и мысли интересуют Якушкина прежде всего. С большой теплотой рассказывает он о нелегком труде рыболовецкой артели, о деревенских посиделках и хороводах, о своем посещении новгородского уездного училища и т. д. Эту сторону его «Путевых писем» отметил «Современник»¹⁸. Рецензент «Современника» (А. Н. Пыпин) отметил и другую особенность «Путевых писем» Якушкина — их насыщенность историческими преданиями и легендами. Якушкин приводит народные предания и легенды о конце Новгорода, о Перуне, Ольге-перевозчице, Иване Грозном, Петре I и другие. Значение их для истории науки весьма велико.

И. А. Худяков, например, на основе якушкинских записей создал специальную работу «Народные исторические сказки», в которой указал на ряд фольклорных и летописных параллелей к ним¹⁹. Обращение Якушкина к историческим преданиям и легендам, казалось бы, соответствовало установкам Погодина и славянофилов на пристальное внимание к памятникам старины. Между тем это далеко не так. Приведем для подтверждения сказанного один пример, относящийся к историческим преданиям и легендам об Иване Грозном.

Идеологи официальной народности и славянофилы неоднократно заявляли о том, что народ «забыл» жестокости Грозного. По их мнению, в фольклоре нашли отражение лишь государственные преобразования царя, направленные на укрепление и расширение России. А то, что эти преобразования, так же как впоследствии и преобразования Петра I, ложились тяжелым бременем на плечи народа, в фольклоре будто бы не оставило никакого следа. Замалчивание произведений фольклора, в которых эта сторона деятельности Грозного нашла свое отражение, преследовало, разумеется, определенные политические цели. Отсутствие в фольклоре таких произведений должно было иллюстрировать основное положение славянофилов о смиренности и покорности как самых характерных чертах русского народа. Народ незлобив и кроток, он «забыл», что Грозный, разоряя, скажем, Новгород, жестоко расправился с его жителями. Записи же Якушкина свидетельствовали о том, что народ прекрасно помнит не только завоевательные походы Грозного, но и его крутой и вспыльчивый нрав, его жестокое обращение с подданными, многочисленные казни и т. д. Более того, якушкинские записи свидетельствовали о том, что мнительность и жестокость Грозного подвергались в народе резкому осуждению. В одном из записанных Якушкиным преданий рассказывается, например, как Грозный усмиряет свой гнев уничтожением в реке Волхове жителей Новгорода; однако получает

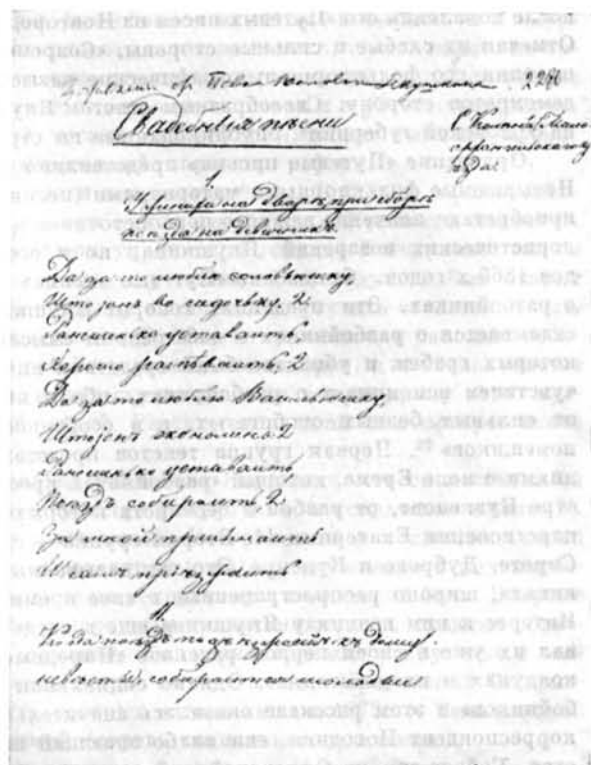
ТЕТРАДЬ СВАДЕБНЫХ ПЕСЕН,
ЗАПИСАННЫХ П. И. ЯКУШКИ-
НЫМ

(село Колшна, Малоархангельского
уезда Орловской губернии), 1843

Копия
Лист первый

Сверху помета рукою
П. В. Киреевского: «Доставлены от
Павла Ивановича Якушкина»

Центральный государственный
архив литературы и искусства,
Москва

возмездие от народа, потому что народ такая сила, с которой не справиться никакому царю. Заметим, что в исторических преданиях о Петре I жестокая, насильственная сторона его деятельности вскрывается не менее отчетливо ²⁰.

Славянофилы, как известно, рассматривали исторические предания и легенды прежде всего в плане архаики. Для Якушкина же они — неотъемлемая часть духовной культуры современного народа. Отсюда его интерес не только к историческим преданиям, но и к сказаниям о событиях недавнего прошлого: об Аракчееве, о гр. А. А. Орловой и ее духовном наставнике архимандрите Фотии. Народные рассказы об Аракчееве, содержащиеся в «Путевых письмах» Якушкина, явились для современников настоящим открытием. Оказалось, что народ все еще с ужасом вспоминает о временах аракчеевщины.

Большое место в «Путевых письмах» Якушкина занимают вопросы современного ему народного творчества. Якушкин отмечает, что в народе хорошо сохраняются традиционные песни. В то же время он с сожалением пишет о том, что в репертуаре молодежи большое место занимают романсы. Внимание Якушкина привлекают прежде всего такие песни, социальная направленность которых очевидна. Не только исторические предания и сказания о недавнем прошлом, но и современное Якушкину народное творчество рассматривается в его «Путевых письмах» под определенным социальным углом зрения. Якушкин настойчиво проводил крамольную для того времени мысль о том, что исторические предания звучат в народе так же современно, как и песни о царской солдатчине. Фольклор для Якушкина такой же материал для характеристики народной жизни, как, скажем, данные по экономике и этнографии. Слушая рассказы крестьян об Аракчееве, он тут же замечает, например, что нововведения этого ненавистного народу временщика разорили крестьянское хозяйство, пагубно сказывались на сохранности памятников культуры.

Незаурядные способности Якушкина-фольклориста и этнографа и демократизм его взглядов обратили на себя внимание руководителей «Современника» сразу же

после появления его «Путевых писем из Новгородской и Псковской губерний» (1859). Отмечая их слабые и сильные стороны, «Современник» боролся за Якушкина, направляя его фольклорно-этнографические разыскания в нужную для революционных демократов сторону. Своеобразным ответом Якушкина явились его «Путевые письма из Орловской губернии», опубликованные на страницах «Современника» в 1861 г.²²

Орловские «Путевые письма» представляют для исследователя особый интерес. Насыщенные фольклорными материалами (песнями, преданиями и легендами), они приобретают значение важного первоисточника для характеристики не только фольклористических воззрений Якушкина, но и его общественно-политических взглядов 1860-х годов. Орловские «Путевые письма» посвящены, в сущности, преданиям о разбойниках. Эти предания, говорит Якушкин, бывают разные. В одних рассказывается о разбойниках в собственном смысле этого слова, о разбойниках, для которых грабеж и убийство были средством личной наживы. В других народ с сочувствием вспоминает о разбойниках, ибо в них «есть *одно*: это защита слабых от сильных, бедных от богатых, и в особенности господских крестьян от злых помещиков»²³. Первая группа текстов представлена в «Путевых письмах» преданиями о попе Ереме, который «разбойничал крестом», о купце Давыдове и бургомистре Кузнецове, от разбоя и бесчинств которых жители Орла страдали еще в годы царствования Екатерины II. Вторая группа — о Тришке Сибиряке, Федьке Рытике, Сироте, Дуброве и Кудеяре. Это так называемые предания о «благородных разбойниках», широко распространённые в свое время в центральных губерниях России. Интерес к ним возник у Якушкина еще в студенческие годы: он широко использовал их уже в своем первом рассказе «Народные сказания о кладах, разбойниках, колдунах и их действиях». Однако социальная характеристика «благородных разбойников» в этом рассказе оказалась значительно сниженной: предания записывал корреспондент Погодина, еще слабо знающий народную жизнь и народное творчество. Сейчас же по Орловской губ. путешествовал корреспондент «Современника», разделяющий взгляды революционных демократов на социальную природу разбойничьих песен и преданий.

Пыпин в статье «Историческая объективность» писал: «Разбойник наших песен есть прямой союзник Стеньки Разина, человек, оставивший общество потому, что оно угнетало и лишало его свободы...»²⁴. Легенды и предания о «благородных разбойниках», записанные Якушкиным в Орловской губ., являются прекрасным доказательством справедливости этих слов. Во многих преданиях, например, встречаются мотивы чародейства, характерные прежде всего для преданий о Разине (плавание на кошке, чудесное избавление из тюрьмы, лодка, начерченная на стене мелом и т. д.). «Народным заступником» выступает в орловских преданиях Тришка Сибиряк.

Северным «Путевым письмам» Якушкина была присуща, как мы видели, еще некоторая ориентация на описание памятников старины. В орловских же «Путевых письмах» Якушкин прямо отказывается от этого. «О постройках церквей, часовен, воеводских домов, — заявляет он, — я говорить не буду; я думаю, для читателей, не знающих положения Орла, это не занимательно»²⁵. Картины из жизни крестьян здесь выдвигаются на первый план.

На жгучие вопросы современности откликается Якушкин и в своих очерках и рассказах, появившихся вскоре после выхода в свет его орловских «Путевых писем». Крестьянский вопрос в то время был наиболее злободневный. Отношение крестьян к реформе 1861 г. Якушкин избирает темой своего первого художественного очерка «Велик бог земли русской!», напечатанного в 1863 г. в некрасовском «Современнике»²⁶. В этом очерке, написанном по горячим следам событий, мы находим немало сцен, раскрывающих и предреформенные настроения различных слоев населения, вызванные высочайшими рескриптами Александра II, и отношение крестьян к царскому манифесту, и крутую расправу властей с крестьянами во время проведения реформы. Заявить открыто о грабительском характере реформы Якушкин, конечно, не мог. Однако, пользуясь эзоповым языком, он выражал свое резко отрицательное отношение к реформе. В сущности, весь его очерк «Велик бог земли русской!» написан этим эзоповым языком. Приведем лишь один пример. Помещик М***, «прогнавший

большую часть своих людей на волю», был обвинен мировым посредником в «дурном обращении» с крестьянами. В ответ на это помещик заявил, что «он ничего не боится, никакой там выдуманной гласности, что про него, пожалуй, пиши не только на колоколе, а хоть на всей колокольне, что про него писали и в „Отечественных записках“...»²⁶. Как видим, Якушкин весьма прозрачно намекает на выступление «Колокола», разоблачавшего крепостнический характер реформы.

Якушкин разрабатывает в эти годы и тему солдатчины. В 1864 г. в «Современнике» же был напечатан другой его очерк — «Из рассказов о Крымской войне»²⁷. Крымская война застала его в небольшом украинском городке Богодухове, где он преподавал историю и географию в уездном училище. В Богодухове был открыт временный госпиталь, что давало Якушкину возможность изучать солдатский быт. Очерк его и состоит из небольших рассказов о беседах с горожанами и раненым²⁸ солдатами. Здесь мы найдем рассказы и о бездарности командиров, и о казнокрадстве чиновников. Читатели усматривали в них страшную социальную драму того времени: прогнивший крепостнический строй России, душивший все прогрессивное и передовое.

Тема царской солдатчины настолько волновала Якушкина, что он посвятил ей специальное исследование — очерк «Прежняя рекрутчина и солдатская жизнь»²⁸. Очерк написан на материалах народных песен. Исторические и солдатские песни Якушкин рассматривает совместно, справедливо полагая, что именно в них наиболее полно «выразил народ свое возренье на рекрутчину и солдатский быт». Впервые после Радищева Якушкин обратился к народным причитаниям, превосходные образцы которых привел в своем очерке (заметим, что очерк «Прежняя рекрутчина и солдатская жизнь» был написан за восемь лет до выхода в свет «Причитаний Северного края» Е. В. Барсова, первая часть которых издана лишь в 1872 г.). Тема царской солдатчины была для Якушкина темой острого социального значения.

С 1864 г. Якушкин начинает сотрудничать в журнале «Искра». В этом журнале, а также в «Современнике», он опубликовал ряд очерков под общим названием «Небывальщина»²⁹. Очерки этого цикла по содержанию и форме близки к «Путевым письмам». Якушкин рассказывал в них о тех злоключениях, которые выпадали на его долю во время многочисленных походов за песнями.

Социальная направленность рассказов и очерков Якушкина, появившихся в начале 1860-х годов на страницах «Современника» и «Искры», вполне очевидна. Суровое осуждение уродливых явлений крепостнической действительности, горячее сочувствие забитым и задавленным нуждой мужикам — все это свидетельствовало о революционно-демократических симпатиях Якушкина, зрелости его мировоззрения.

Еще в конце 1850-х годов Якушкин обратил на себя внимание полицейских властей как революционный агитатор, распространяющий «возмутительные» прокламации. Агенты полиции, подозрительность которых после на шумевшего на всю Россию ареста Якушкина в Пскове в 1859 г. чрезвычайно возросла, все чаще сообщали о том, что он занимается революционной пропагандой среди народа, действует по заданию неведомых им тайных обществ. Политической полиции стало известно, например, что в мае 1862 г. «Якушкин и проезжавший с ним вместе через Тульскую губернию какой-то студент распространяли печатные возмутительные воззвания и заезжали в имение графа Толстого»³⁰. В 1864 г. полиции удалось перехватить у Якушкина черновой набросок его письма к Герцену, после чего над ним нависла реальная угроза заточения в Петропавловскую крепость. Якушкин избежал ареста совершенно случайно: во время выяснения подробностей о связях его с Герценом он выехал на Нижегородскую ярмарку³¹. В Нижнем-Новгороде он был вновь уличен в пропагандистской деятельности, арестован и выслан сначала в Петербург, а затем в орловское имение матери — Сабурово под строгий надзор полиции³².

Ссылка оказалась суровым испытанием для дальнейшего общественно-политического и литературного развития Якушкина. И он выдержал это испытание. Ни реакция, ни мещанская действительность провинциального захолустья, ни нравственные муки и физические страдания (Якушкин прибыл в Сабурово серьезно боль-

ным) не могли сломить его упорство и волю. И в Сабурове он продолжает заниматься литературным трудом, отстаивая те реалистические принципы изображения действительности, которые были выработаны им в пору общения с революционными демократами.

Для характеристики идейных позиций Якушкина в период орловской ссылки литературные произведения его имеют значение важного первоисточника. В первую очередь это относится к рассказу «Бунты на Руси», опубликованному в 1866 г. в «Современнике»³³. В этом рассказе Якушкин коснулся едва ли не самой актуальной для того времени темы, а именно крестьянских волнений и расправы над бунтовщиками.

Социальный характер крестьянских бунтов, царистские иллюзии бунтовщиков, стремление властей в ряде случаев спровоцировать столкновение крестьян с помещиками — все эти и некоторые другие особенности пореформенной эпохи отмечены в рассказе Якушкина исторически верно.

В 1868 г. Якушкин был выслан в Астраханскую губ. Правительство преследовало в данном случае вполне определенные цели: «отрезвляющая» сила глухого провинциального быта, гнилой и нездоровый климат Нижнего Поволжья должны были,

РЯДКОСТЬ

НАРОДНЫЯ

РУССКІЯ ЛЕГЕНДЫ,

СОБРАННЫЯ

А. Н. АФАНАСЬЕВЫМЪ.

Изданы Н. Щепкина и К. Солдатенкова.

Цена 4 руб. сер

Николай Яковлевич
ЛЕСКОВЪ.

Фурштатская д. 40, к. 4.

МОСКВА.

Въ типографіи: В. Грачева и Кони.

1859.

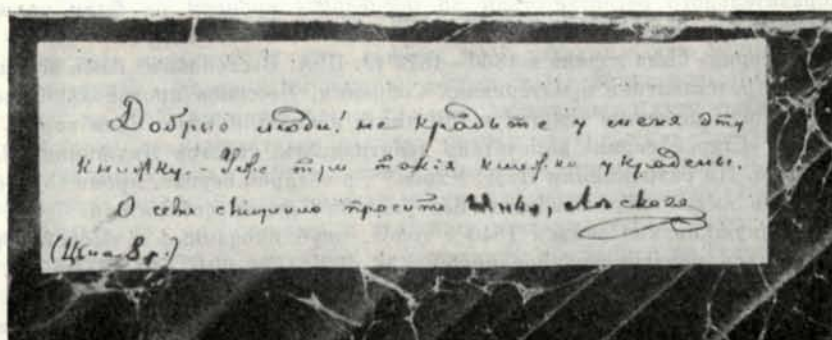
«НАРОДНЫЕ РУССКИЕ ЛЕГЕНДЫ, СОБРАННЫЕ А. Н. АФАНАСЬЕВЫМ»
(М., 1859)

ЭКЗЕМПЛЯР, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ Н. С. ЛЕСКОВУ

Титульный лист

Музей И. С. Тургенева, Орел

Сборник включает ряд материалов, полученных составителем от П. И. Якушкина

НАДПИСЬ Н. С. ЛЕСКОВА НА ЭКЗЕМПЛЯРЕ «НАРОДНЫХ РУССКИХ ЛЕГЕНД»

А. Н. АФАНАСЬЕВА:

«Доброе люди! не крадите у меня эту книжку. — Уже три такие книжки украдены.

О сем смиренно просит Никол. Лесков (цена 8 р.)»

Обложка

Музей И. С. Тургенева, Орел

по мнению властей, исправить «заблуждения» Якушкина, сломить его упорство и волю, убить в нем стремление к общественно-литературной деятельности. Однако и в новой ссылке Якушкин продолжал заниматься литературным трудом. В том же году в «Отечественных записках», перешедших в руки Некрасова и Салтыкова-Щедрина, были опубликованы его «Путевые письма из Астраханской губернии», насыщенные фольклорными материалами, главным образом народными преданиями о Разине и Пугачеве³⁴. Эти предания отличаются глубоким демократизмом. Образ Пугачева, например, выглядит в записанных Якушкиным текстах совершенно иным, нежели в официальной его интерпретации. «Человек был добрый...» — вот общее мнение рассказчиков. Из преданий о Разине Якушкин приводит наиболее распространенные: о сынке Разина, о воеводе, о персидской княжне. Примечательно, что казаки не решаются спеть песню о Разине, а рассказывают ее словами, так как убеждены, что за исполнение ее «на голос» «дадут по шапке».

Обращение Якушкина к пугачевско-разинскому фольклору сыграло выдающуюся роль в истории науки. После Пушкина произведения о Разине и Пугачеве фактически находились под запретом. И заслугой Якушкина является как раз то, что он, вопреки официальному запрещению, смело ввел их в свои «Путевые письма». Предания о Разине и Пугачеве свидетельствовали о том, что вольнолюбивые устремления этих защитников бедноты находят в народе самый живой отклик.

В истории русской литературы едва ли найдется другой писатель, в произведениях которого фольклор занимал бы столь же значительное место, как у Якушкина. В сущности, все его «Путевые письма», рассказы и очерки представляют собой ту фольклоризованную прозу, в которой трудно определить, где кончается фольклор и где начинается собственное творчество писателя.

В 1871 г. тяжело больной Якушкин получил разрешение переехать на жительство в Самарскую губ. Однако дни его были сочтены. 8 января 1872 г. Якушкин умер в Самарской земской больнице.

Уже из этого краткого очерка жизни и деятельности Якушкина видно, какой заметный след оставил он в истории науки, русской литературы и русского освободительного движения. В то же время вполне очевидно поразительное несоответствие между титаническим трудом этого человека и результатом этого труда. В первую очередь это относится к его собирательской деятельности.

Якушкин, как уже было сказано, путешествовал на средства Киреевского, доставляя ему все свои материалы. Однако в изданиях «Старой» и «Новой» серий, в которых, казалось бы, должно было быть опубликовано все собранное Якушкиным для Киреевского, напечатано лишь около 200 якушкинских записей. Причины

этого поразительного несоответствия до последнего времени не были известны. И лишь теперь мы имеем возможность внести ясность в этот вопрос.

«Старая серия» была издана в 1860—1874 гг. П. А. Бессоновым. Имея весьма поверхностное представление о материалах Собрания, Бессонов произвольно паспортизировал многие песенные тексты, в том числе и якушкинские. Если верить Бессонову, то в «Старой серии» напечатано девятнадцать текстов Якушкина. Между тем их больше. По разысканиям П. Д. Ухова³⁵, в «Старой серии», кроме того, опубликовано семь якушкинских записей без указания имени собирателя.

Многие якушкинские записи 1840-х годов, опубликованные в «Новой серии», также оказались непаспортизированными (№ 450—472, 604—613, 771, 773, 775, 776, 798, 810, 824, 825, 835—840, 1815, 1816, 2031—2083 и др.). Принадлежность этих записей Якушкину была установлена также П. Д. Уховым. Исследователю удалось обнаружить в архиве Киреевского некоторые автографы Якушкина, а следовательно и паспортизировать соответствующие опубликованные тексты. Приведем лишь один пример.

М. Н. Сперанский в свое время обнаружил в архиве Киреевского коллекцию песен, о которой во вступительной статье к первому выпуску «Новой серии» сообщил следующее: «...обращают на себя внимание тетради, озаглавленные: „Песни, записанные летом 1843 года“, рассеянные теперь в разных местах собрания; этих тетрадей было, по крайней мере, одиннадцать; писаны все одной рукой: ясно, Киреевский получил зараз целую коллекцию. Чья она? — остается неизвестным»³⁶. В действительности точное заглавие коллекции — «Русские народные песни, собранные летом 1843 г.» и состоит она не из одиннадцати, а из десяти тетрадей, пронумерованных римскими цифрами. В настоящее время коллекция разбросана по различным папкам архива Киреевского (тетради III и VII обнаружить не удалось). Почерк этих тетрадей не похож на почерк Якушкина конца 1840-х годов (на что, по-видимому, прежде всего и обратил внимание Сперанский). Между тем изучение коллекции позволило П. Д. Ухову отнести содержащиеся в ней записи к Якушкину.

Принадлежность ему тетрадей коллекции 1843 г. подтверждается прежде всего черновой описью Собрания Киреевского, составленной в свое время Якушкиным, М. А. Стаховичем и братьями Елагиными. Паспорта-индексы черновой описи (она опубликована в последнем выпуске *НС*) полностью соответствуют индексам тетрадей коллекции. Так, на тетради I карандашом помечено: «98-б» (здесь содержатся песни, записанные Якушкиным в с. Сабурове Малоархангельского у. Орловской губ.), на тетради IV (ошибочно написано: VIII) — «90-б» (песни, записанные Якушкиным и Кудашевым³⁷ без указания места записи), на тетради V — «91-б» (песни, записанные Якушкиным в Орловской губ.), на тетради VIII — «104-б» (песни, записанные Якушкиным в Лихвинском у.) и т. д. На обложке первой тетради имеется надпись: «Русские народные песни» (тем же почерком, что и тексты песен), далее почерк Якушкина: «Собранные летом 1843 г.» — и тут же приписка Киреевского: «Малоарх. уезда, сельцо Сабурово»³⁸. Подобные пометы можно встретить и на других тетрадях. Они полностью совпадают с цифровым паспортом. Многие тексты коллекции, переписанные самыми разными лицами, подвергались правке рукою Якушкина (по-видимому, во время подготовки их к изданию). Это еще раз свидетельствует о том, что Якушкин считал их своими: тексты других собирателей он, как правило, не изменял³⁹. Большинство песен из этой коллекции вошло в «Новую серию» (№ 629—673, 1993—2003-б). Часть песен была не опубликована по недосмотру издателей, часть же песен была им недоступна — отдельные листы этих тетрадей находились в других хранилищах.

Всего в «Старой» и «Новой» сериях опубликовано, по подсчетам П. Д. Ухова, около 500 песен, записанных Якушкиным. Однако и это лишь часть богатейшего наследия собирателя. Об этом свидетельствуют многочисленные автографы Якушкина, хранящиеся в различных архивах страны. Почти все они были впервые найдены и описаны П. Д. Уховым. Назовем поэтому лишь самые значительные из них. Это прежде всего автографы, хранящиеся в Отделе рукописей ЛБ: тетрадь в $1\frac{1}{2}$, 12 лл. (ф. 125, п. 54); 9 отдельных листов в $1\frac{1}{2}$ (там же, п. 44, лл. 1148—1154); 26 разроз-

ненных листов (там же, п. 57, лл. 2886—2911) и другие. Далее, автографы, хранящиеся в отделе письменных источников ГИМа (ф. 56): тетрадь в $1/2$, 10 лл.; две тетради в $1/4$, сшитые нитками, 83 лл.; тетрадь в $1/2$, 35 лл. (так называемый «Журнал пешеходца» — дневник Якушкина); тетрадь в $1/4$, 22 лл. и др. В ЦГАЛИ (ф. 236, оп. 1, ед. хр. 682) хранятся копии 29 песен, записанных Якушкиным в Орловской губ. Об этом свидетельствует надпись сверху карандашом: «Доставлены от Павла Ивановича Якушкина» и другая надпись: «Свадебные песни, Село Колпна, Малоархангельского уезда». Всего в настоящее время обнаружено около 1200 якушкинских записей. Однако, по-видимому, и это лишь незначительная часть собранного им материала. До сих пор, например, не разысканы его записи из Тверской, Новгородской, Нижегородской, Черниговской, Харьковской, Астраханской и других губерний.

Якушкинские записи сказок были опубликованы А. Н. Афанасьевым в сборнике «Народные русские сказки», изданном в 1855—1863 гг. Собранные пословицы Якушкин передал Далю, который и включил их в свой сборник.

В настоящем томе представлены тексты, извлеченные из наиболее значительных песенных коллекций Якушкина. Это прежде всего записи песен, входящие в два фольклорных дневника собирателя. Некоторые записи из этих дневников были опубликованы издателями «Новой серии» по копиям, сохранившимся в архиве Киреевского. Сами же дневники были им недоступны. Представляют несомненный интерес неизданные записи рабочих песен, сохранившиеся в автографах Якушкина. Они были известны издателям «Новой серии», но не были напечатаны.

Ряд текстов Якушкина, не включенных нами, опубликован З. И. Власовой в упомянутой выше статье «Ранний период фольклорно-этнографической деятельности П. И. Якушкина», стр. 24—28.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Письма Киреевского к Языкову, стр. 80—81.

² «Чтения», стр. VI.

³ Якушкин, стр. 463.

⁴ Н. С. Лесков. Товарищеские воспоминания о Якушкине. — Там же, стр. XLVIII.

⁵ В последующих номерах «Москвитянина» никаких сведений о путешествии Якушкина, однако, не сообщалось.

⁶ Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. X. СПб., 1896, стр. 23—25.

⁷ Вопрос о том, окончил ли Якушкин полный курс университета или, согласно общепринятому мнению, оставил его на четвертом курсе и отправился собирать произведения народного творчества, до сих пор был неясен. Приводим документ, свидетельствующий, что Якушкин окончил Московский университет. В протоколе заседания Совета университета от 8 марта 1845 г. имеется следующая, весьма любопытная запись:

«Присутствию Совета г-н ректор объявил, что губернскому секретарю князю Николаю Алексеевичу Кострову, согласно прошению его, при котором представил он доверенность действительного студента Якушкина на получение аттестата на означенное звание и документов его, выданы ему, Кострову, тот аттестат и документы Якушкина с распискою.

Приказали: Сделанное г-м ректором распоряжение принять к сведению, а прошение и доверенность приобщить к делу» (Архив МГУ, ф. Журналы Совета Московского университета 1845 г., оп. 33, л. 56 об.).

В 1840-е гг. в Московском университете, кроме Павла Якушкина, учились еще двое Якушкиных — Александр и Вячеслав. Первый приходился родным братом Павлу, а второй был сыном декабриста И. Д. Якушкина. И так как в приведенном документе инициалы не указаны, то допустимо, казалось бы, предположение, что речь идет о другом Якушкине — Александре или Вячеславе. Однако это предположение отпадает. Александр Якушкин окончил юридический факультет Московского университета еще в декабре 1843 г. (Архив МГУ, ф. Журналы Совета Московского университета 1844 г., оп. 32, лл. 7—9). После окончания университета он поступил на службу чиновником особых поручений при орловском генерал-губернаторе. Трудно допустить, чтобы аттестат, дававший право занять эту должность, был получен им год спустя после выхода из университета. Вячеслав Якушкин в это время учился на 3-м курсе 2-го отделения философского факультета (см. «Именную ведомость об учащихся», приложенную к «Отчету» Московского университета за 1845 г.). Таким образом, в приведенном выше документе речь идет о Павле Якушкине, тем более, что именно он был приятелем Ко-

строва. Этот документ свидетельствует о том, что Якушкин окончил полный курс Московского университета. Легенда о «недоучившемся Якушкине» должна быть отвергнута.

⁸ См. настоящ. том, стр. 394.

⁹ Рецензия Добролюбова на сборник сказок А. Н. Афанасьева. — Н. А. Д о б р о л ю б о в. Собрание сочинений в девяти томах, т. 3. М.—Л., 1962, стр. 232—238.

¹⁰ См. настоящ. том, стр. 389 и след.

¹¹ ГИМ, ф. 56, п. 27-ж.

¹² Впервые были напечатаны в «Русской беседе», 1859, кн. IV, Смесь, стр. 1—76.

¹³ ЛБ, ф. 231, Подл., п. 38, ед. хр. 67.

¹⁴ «Москвитянин», 1841, № 9, стр. 282—283.

¹⁵ «Москвитянин», 1848, № 12, стр. 100.

¹⁶ Я к у ш к и н, стр. 180.

¹⁷ Там же, стр. 203.

¹⁸ «Современник», 1860, № 7, стр. 63 (рецензия А. Н. Пыпина).

¹⁹ «Журнал Министерства народного просвещения», 1862, март, стр. 43—69.

²⁰ Я к у ш к и н, стр. 283.

²¹ «Современник», 1861, № 5, отд. I, стр. 190—206; № 8, отд. I, стр. 259—280.

²² Я к у ш к и н, стр. 290.

²³ «Современник», 1864, № 4, стр. 268.

²⁴ Я к у ш к и н, стр. 289.

²⁵ «Современник», 1863, № 1-2, отд. I, стр. 5—54.

²⁶ Я к у ш к и н, стр. 23.

²⁷ «Современник», 1864, № 11-12, стр. 499—506.

²⁸ «Прибавления» к «Русскому инвалиду», 1864, № 8.

²⁹ «Искра», 1865, № 5; «Современник», 1865, № 11-12, стр. 1—21.

³⁰ ЦГАОР, ф. 109, 1 экзп., 1859 г., ед. хр. 84, л. 41 об.

При расследовании власти не нашли прямых доказательств, что Якушкин и Николай фон Болль (о нем шла речь в приведенном документе) распространяли печатные прокламации. Однако во время жандармского обыска в Ясной Поляне в июле 1862 г. у фон Болля найдено было «несколько выписок из „Колокола“, писанных не его рукою и оставшихся у него, как он показал, после одного студента, застрелившегося в прошедшем году в Москве» (ЦГАОР, ф. 109, 1 экзп., 1862 г., ед. хр. 230, ч. 39, л. 25—25 об.). Следует отметить, что в Ясной Поляне Якушкин бывал дважды: второй раз — в конце августа 1862 г. (см. Л. Н. Толстой. Собр. соч. Юбилейное издание, т. 48-49. М., 1952, стр. 42).

³¹ См. нашу статью «П. И. Якушкин и А. И. Герцен». — «Советская этнография», 1962, № 4, стр. 150—157.

³² См. нашу статью «П. И. Якушкин в Нижнем-Новгороде». — «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1962, № 4, стр. 164—174.

³³ «Современник», 1866, № 3, отд. I, стр. 73—91. — Вторая часть рассказа была написана Якушкиным в Енотаевске и опубликована после его смерти, в 1880 г., в газете «Новое время» (№ 1626 и 1628).

³⁴ «Отечественные записки», 1868, № 10, стр. 125—167; 1870, № 1, стр. 1—17.

³⁵ Здесь и далее мы ссылаемся на рукопись монографии П. Д. Ухова «Вопросы атрибуции русских народных песен». В издательстве Московского гос. университета подготовлена к печати первая часть монографии, под ред. проф. П. Г. Богатырева.

³⁶ *НС*, в. I, 1911, стр. XXIII.

³⁷ По-видимому, А. С. Кудашев, в то время служивший юнкером (его записки находятся во II—IV тетрадях коллекции 1843 г.). П. Д. Ухов читал «Кудинов», что, видимо, неправильно.

³⁸ Заметим, что З. И. Власова в статье «Ранний период фольклорно-этнографической деятельности П. И. Якушкина» («Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», в. II. М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 19) дает неправильное описание титульного листа этой тетради: приведенную приписку Киреевского она считает якушкинской.

³⁹ В конце первой тетради имеется, между прочим, подпись: «В. Якушкин». Эта же фамилия встречается и на обрывке почтового листа бумаги с надписью: «Русские народные песни, собранные летом 1843 года. Малоархангельского уезда сельцо Сабурово, тетрадь I. В. Якушкин» (ЛБ, ф. 125, п. 66, № 15). З. И. Власова, исследуя эти материалы в указанной выше статье «Ранний период фольклорно-этнографической деятельности П. И. Якушкина», высказала предположение, что «песни первой тетради были записаны Виктором Ивановичем Якушкиным, братом Павла Ивановича» (стр. 19). Однако это предположение не убедительно. В. И. Якушкин был на семь лет моложе Павла Ивановича и в пору, когда Якушкин записывал эти песни, учился в Орловской гимназии. Павел Иванович, по-видимому, поручал ему переписывать свои черновые записки, что тот весьма старательно и делал. Так, им была переписана, например, песня «Ой, по морю, морю синему», начинающаяся словами: «Ту кровь пила бела рыбаца» (см. оборотную сторону этого же листа бумаги в п. 66). Эта песня полностью была опубликована в *НС* (№ 2356) среди материалов, полученных от Погодина. Предположение З. И. Власовой о том, что В. И. Якушкин являлся корреспондентом Погодина, не соответствует действительности.

〈ФОЛЬКЛОРНЫЙ ДНЕВНИК〉

Итак, прощай, моя матушка Москва белокаменная! Много горя перенес, много и радостей было в тебе. Неужели Орел мой родимый город? Нет — Москва! В Москве я начал жить жизнью человека, в Москве я начал понимать назначение человека, — в Орле я родился, но в Москве я ожил, в Москве я нашел приятелей и *друга*... Правда, нашел и врагов — но в эту минуту хочу забыть все горькие московские минуты — помню одно счастье. Помню, узнал я в Москве, что могу *любить*, могу иметь и друзей. Не знаю, скоро ли буду в Москве, но какое-то страшно сладкое предчувствие уверяет меня, что скоро опять засияют эти золотые маковки сорока сороков церквей московских, которые сияют <?>^{1*} теперь предо мною будто вечером <?> солнце. Вполне чувствую обязательства <?> перед П. В. <Киреевским>, без него бы я не с таким чувством простился бы с Москвой, имея в кармане четвертак и впереди 360 верст пути — не думаю, чтобы кто-нибудь мог быть так долго счастливо-весел, как я теперь, хоть одна тяжкая мысль об моей бедной матери тревожит меня...

Простясь с Мацневым, я вышел на Коломенку, просил проезжего подвести меня. Тот хотел за четвертак посадить меня и подвести за 10 верст до Бронниц, да побоялся, что *недобрый я человек*. На пути нашел попутчика, он говорит, что он человек из с. Григорьевского. Бог его знает <2 нрзбр.> Он мне сказал, что не в последний раз видим Москву. Я сел под белую березою и записал это.

Люберцы. 15 верст от Москвы, трактир

Последний раз слышал звон московский в Подосиновках, пройдя 13 верст от Москвы. Надолго простился с Москвой, но не прощально отозвался в душе моей этот звон, а радушно призывая скорее вернуться в город, который я так люблю <?>. Прощай, до свиданья, моя белокаменная! Выпил здесь рюмку водки, поднес товарищу и съели с ним в четвертак ячницу. Все стало недорого, всего 1—20.

Август 2, понедельник, с. Городня Зарайского уезда

Третьего дня мы с товарищем прошли Островцы и в версте от них ночевали в поле. Владимир (так звали товарища) развязал снопа три ржаных, которые вытащил из копны, постлал под тою же копною, и мы, накрывшись моим пальто, выспались чудесно — до самого света. Хорошо, что вчера был праздник (Спас первый), а то пришли бы мужики за снопами и верно нас выпроводили бы не честью. Я хоть уговаривал Владимира не трогать снопов, но он их все-таки растрепал донельзя, уверяя, что мужики непременно их свяжут опять, когда приедут за ними.

Проехав Москву-реку и гору (всего версты полторы от ночлега), мы сели по гривеннику до Бронниц.

В Бронницах не остановились, а я послал только купить чаю и сахару на 15 к. сер.

С нами же ехал до Коломны петербургский приказчик, крепостной человек кн. Черкасского из деревни Черкизовки. Я с ним познакомился следующим образом.

Я сказал, что я сел за гривенник до Бронниц, но забыл сказать, куда сел: я сел на курятник, т. е. на телегу, в которой везли кур в Москву, телегу, разделенную на три этажа. Разумеется, мой извозчик оставил в третьем этаже место для себя: но как мы дали ему по гривеннику, то он с нами и разделил свое место.

^{1*} Значительное число неразобранных или предположительно прочитанных слов объясняется тем, что текст написан Якушкиным карандашом, который от времени стерся. — *Ред.*

Итак, мы сидим на курятнике; дорога идет в гору; правда, мы и под гору не скачем... Рядом с нами идет молодец лет за 20. Я сказал молодец: и правду сказать, был молодец: вершков 9 ростом <1 нрзбр.>, брюха совершенно нет, лицо круглое, брови дугой, густые, глаза карие, веселые, кудри лежат словно на картинке, в плечах сажень...

— Куда-то едете, барин? — спросил он меня.

— В Зарайск, почтеннейший, а вас куда бог несет?

— В Коломну.

— Откуда? — спросил я машинально, потому что, в полном значении этого слова, засмотрелся на него.

— Из Питера: а там жил около Смольного...

Ну, просто сказать, он там сортировал лес; кажется был приказчиком у какого-то лесного торговца...

Завязался разговор, не знаю, как он перешел к кулачным боям.

— Жил я еще в Коломне, — начал рассказывать мой новый знакомец, — вот и пронесся слух, что есть какой-то извозчик — молодец на кулачки биться: так что супротивника себе не находил. Как быть? Коломенские бойцы исстари славятся бойцами, — а тут как нарочно из Лицовска какой-то боец? Самих себя стыдно. Э! была не была — пойду на него!.. Сказано — сделано: вышли с ним. Я на одну штуку — молодец! Он размахнулся — а я как сунусь <1 нрзбр.> него — да грудью в грудь! Ну он и попал в скуло вот этим местом (тут он показал на плечи) по *заушью*. Ну, разумеется, — ничего эдак не сделаешь, я стал опять — как ни в чем не бывало, — а тот поблуднел... Вот я изловчился — да как хвачу его по заушью — тот с ног долой... Правда, и мне тут досталось в зубы, две недели ничего не мог есть.

— Да когда же он тебя ударил?

— Сам не знаю: вошел в азарт, ничего не помню. А верно когда-нибудь да ударил: ни перед, ни после зубы не болели.

— Ну а тот встал?

— Встать-то встал, да только часа два лежал на *зemi*.

— Это что за бой, — сказал мой Владимир. — Вот как был бой в Коломне об онешнем заговенье на масленице — так бой! Человек 1000 билось. Городских стали одолевать, а калашник (имени его я не помню, положим) NN и вывел своих работников человек 15. Те было сначала и забились далеко: народ свежий! Да после те как попятити: выгнали опять в город, да и давай кроштить полки NNa. Насилу их унял NN 2-й; он, вишь, ихний, а NN 2-го упротил NN.

— Да я не умею биться на кулачки, а бороться — с кем хочешь, — прибавил Владимир, — особливо по-цыгански — с кем хочешь!

— Как это по-цыгански?

— А видите: один лежит головой сюда, а другой туда, а бока вместе. Вот и начнут, сперва, заплетя рука за руку, болтать ногой. Вот и надо задеть ногой за ногу, да и притянуть его к себе. А как притянешь — то все кто тут ни есть и давай его кулаками колотить в <...> или в <нрзбр.> навыв-от, ловко!

Тут он начал рассказывать свои подвиги, но как в них видна была одна только ложь, то они и не интересны.

С извозчиком своим я поехал до Зарайска, проехали Коломну, в которой я напился только чаю, напоил извозчика и приехал сюда, т.е. в Городню.

3 августа. Сельцо Гололобово Зарайского уезда

Вчера при закате солнечном я пришел в Зарайск, простившись еще у заставы с своими спутниками. Я пошел отыскивать Акулова. Спрашивал человек у пяти, где он живет, но как он недавно приехал из Москвы, то насилу мог узнать, что он живет в двух верстах от города в Гололобове.

СТРАННИЦЫ

Фотография, 1860-е годы

Литературный музей, Москва

В 1860-х годах с этого снимка была выполнена и выпущена литография работы А. Т. Скино

Здесь принят я довольно радушно, что дальше будет, я не знаю, но наверно можно положить, что путного сделать здесь нельзя: мой хозяин живет здесь отшельником, и, ежели я пойду странствовать по окружным деревням, никто их не уверит, что я хожу не для баб, — для песен.

Вчера вечером написал записку к Мацневу и отправил ноне. Просил у хозяина мальчика Васю, не расскажет ли он мне чего? Пришел и Вася, он выбирает песню, которая получше.

№ 1

Ах и чей это садок зилёшунек стоит?
Как во садушке кроватушка тесовенькая,
На кроватушке перинушка пуховенькая,
На перине Катерина хороша-пригожа,

Хороша-пригожа, раскрасавица моя,
 Раскрасавица моя, ах и взял бы за себя,
 Ах и взял бы за себя, изукрашу для себя.
 Изукрашу сударушку получше я всех,
 Я получше, покраще, я повежливей,
¹⁰ Я сострою сударушке червончатой корабль,
 Я найму своей сударушке гребцов-молодцов,
 Гребцов-молодцов, славных песенничков^{1*}.
 Как один из них он гресть ни гробет,
 Он гресть ни гробет, он и песен ни поет,
 Только с ножки на ножку поскакивает,
 Сапог об сапог поколачивает.
 Уж и эти сапожки *издалечи визены*
 Издалеча визены из-за матушки Москвы.
 Их и шили-пошивали,
²⁰ В новом городе тачали.

№ 2

Я по травке шла, по муравке шла,
 По муравке я тижало несла:
 Карамысла да и валёк, еще милого платок.
 Наступила на бел камень — *проломила туфля*,
 Замарала чулок белый.
 Мне не жаль туфля, а жаль белого чулка.
 Туфель батюшка купил, чулок милый подарил,
 Чулок беленькой, дружок миленькой.
 Душа я, душа я, душа ягода моя,
¹⁰ Не садись против мне,
 Не садись против мне, не гляди на меня.
 Я бы рад не глядел, да глаза мои глядят,
 Да глаза мои глядят, говорить с тобой хотят^{1*}.
 Мой друг ни такой:
 Приубране — по новей,
 Черна шляпа сы пиром,
 Перчаточки с сиребром.

Там же, 4 августа

Вот повел я жизнь самую оригинальную: нонче встал я в три часа полудни, прошу не думать, что я лег поздно, лег я часа в два, следовательно, проспал я часов 13 или около того. Вчера я ходил с своим хозяином в поле смотреть как жнут. После зашли в ригу — там молотили. Акулов спрашивал, нет ли у кого нового хлеба? Один из них отвечал, что у него посажен в печь — но еще не готов. Староста, который тут был, прибавил, что мука теперь очень бела, потому что хлеб еще не брошен в землю (т. е. еще не посеян), а как бросят, то и мука почернеет.

Вечеру хозяин мой производил суд и расправу над одним из своих людей, и как ему не хотелось, кажется, быть одному судьей, он созвал нечто вроде сходки. Все единодушно обвинили подсудимого. Он не находил слов к оправданию. Теща его сказала только: *На кого Спас, на того и Спасская сторона*.

№ 3

Вдоль по улицы мителица метёт,
 За мителицей мой миленький идет<ь>,
 За собою ворона коня видёт,

^{1*} Нижеследующие строки записаны 5 августа. — П. У.

А навстречу ему красна девушка идетъ.
 — Ах ты девица, девица,
 Перведи ты мово ворона коня —
 Сиделица нова-кованое,
 Струмена-то позолоченое.
 Без тебя постелюшка холодна,
 10 Адеялушка заиндевело,
 Подушечка потонула во слезах,
 Тебя, мой друг, дожидаячи,
 Свое горе проклинаячи.
 Несчастливая моя доля рождена:
 И в какова я *тирзана* влюблена.

№ 4

5 августа. Там же

Што это за сердце во мне все изныло,
 Што это за милый не дает покою,
 Не дает покою ношно порою.
 Летняя вичирочки гулять вы садочке.
 Видишь, я страдаю, а ты лицемеришь,
 А ты лицемеришь, сушишь, не жалеишь,
 Ни можно ли, радость, на вздохи помириться,
 На вздохи помириться — людям поклониться?
 Аль вы забыли, как прежде вы меня любили?
 10 А нынче, радость, любовь изменила,
 Любовь изменила, сердце мое повредила.
 Сердце повредила, иную полюбила.
 Иная милая, чем же меня лучше,
 Только тем она получше, что живет поближе,
 Что живет поближе да ходит почаще,
 Ходит почаще, целует послаще.

Павел Лаврентьевич Филиппов, который тоже гостит у моего приятеля Акулова, собрал маленьких девочек, которые хотят мне петь. Начинается:

№ 5

На заре-то было ей на зорюшки,
 На заре-то было на утринай,
 На викати светлава месица,
 На выходи краснава солнушка,
 Юю нас сделалась, братцы, несчастница,
 Што большая-то безвременница:
 Што жина мужа поторила,
 Вострым ножичком зарезала,
 Вы холодный погриб бросила,
 10 Дубавой доской прихлопнула,
 Што желтым песком засыпала,
 Правой ножинькой притопнула,
 А сама пошла в нову горенку,
 Яна села под окошечки,
 Под красная, под ясюлушки.
 Из-под лесу, лесу темнава,
 Вылетали тут два сокола,
 Што два сокола, два лебедя,
 Што два лебедя, два деверя.

²⁰ — Ты, сноха, наша невестушка,
 Да и где-жа наш большой-от брат?
 — На Дунай-реку коней повел.
 — Да ни правда твоё, невестушка,
 Што ни правда, да ни истина,
 Да с чего это крыльцо в крови?
 — Я зарезала сизова голубя,
 Вы халодный погреб бросила.

№ 6

По горенки похожу,
 Платком голову свижу,
 По миленьким потужу (а),
 В окошечка поглижу (i),
 Тужить-плачить девушка,
 Заливаица слизьми,
 Заливала-та девушка
 Все дорожки и лужки,
 Круты славны бережки.
¹⁰ С бережка на камушки
 Течеть речка не шумить,
 Лишь по камушкам стучит.
 Возли этой речушки
 Зелен садик вырастал,
 Во этом во садике
 Соловей громко поеть.
 Ты не пой, соловушек,
 Ты не пой рано весной,
 Не давай назолушку
²⁰ Сердеченьку моему.
 Мое-то сердечунько
 Надорвалась плакучи,
 В чужих людях живуци.

Несмотря на все мое желание удержать выговор при записывании песен, я здесь скоро решусь писать простонародно. Выговор первоначальный ужасно путается. Недалеко от Зарайска, следовательно, народ модный... один житель произносит *лидок*, другой — *лядок*, *ледок*.

6 августа. Там же

Опять мои добрые хозяева собирают мальчиков и девочек — для моего утешения. Сейчас они придут, и я начинаю списывать, — что будут петь — с ряду!

Пришли на балкон, уселись вокруг меня и начинают:

№ 7

Девчоначка лисам шла,
 Красавица тёмным шла,
 Сибѣ дружка ни нашла,
 Заплака<ла> ды й пышла.
 С горя ножиньки нийдут<ь>,
 Са слез глазки ни глядеть.
 Оглянулася назад —
 Вы лесу листья шумять,
 Про бирёзу гаварять:

ЧЕТЫРЕ ПЕСНИ, ЗАПИСАННЫЕ М. А. БАЛАКИРЕВЫМ ОТ П. И. ЯКУШКИНА
Автограф

Песни Ярославской (вариант «б» песни «Про полон татарский») и Орловской губерний

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

- 10 — Бирёза-бирезунья,
Прикланя к земле стоишь.
Ию этой бирёзушки
Салетались пташечки,
Все горьки кукушечки.
Кукуить кукушечка.
Ва сваем теплом гнезде:
— А свет мое гнездушка
Разорёно — теплая.
Йу этой березушки
- 20 Стоять три молодушки:
У первой малодушки
Четыря заботушки,
У другой молодушки

Свякор ды свякровушка,
 Ю третий молодушки
 Муж, удала галава,
 Чешеть кудри нивсегда.
 Вечор добрый молодец
 Ходить рано на заре
 30 Ка вдовушки, ка вдове,
 Ка салдатскай ка жине.

№ 8

Любила Танюша
 Покровского попа,
 А покровский поп
 Он до девок прост,
 Он до девок, он до баб,
 Он до малаих да рабят.
 Он ни часта к Тани ходить,
 Ни помалу денег носить,
 Когда рубь, когда два,
 10 Когда три-чатыря
 Сы ножа.

Пригнали скотину, и пение прекратилось. Все девушки отправились к ней. Впрочем, они обещались сейчас же воротиться.

Не прошло и часу, а уж все мои песельницы собрались.

Продолжение той же песни

Вот дабилса этак поп:
 Нету денег ни гроша,
 На нем риза хороша.
 Поп ризу скидаёт,
 Он Танюши йотдаёт,
 А Танюша ни биреть,
 За собой попа видёт:
 — Уж ты, батюшка-попок,
 Пойдем со мной в тиремок.
 20 Ювидали два лакея,
 Ювидали из окна,
 Они хлопнули йякном,
 Побежали за попом.
 Подходят ко двору,
 Ходит поп по двору.
 — Вы лакеи, вы злодеи,
 Вы зачем ко мне пришли?
 Я одна в терему
 Я попа стирагу!
 30 Увидал поп, что беда,
 Ен кидался из окна,
 Пробежал мимо села,
 Он деревней бежал,
 Никто ево ни юдержал,
 Поп к будки подбежал,
 Солдат ружьем удержал.
 Вот ткачи — рыбаки,

Они сукны ткут
 На двенадцать штук.
⁴⁰ Они сукна вытыкали
 Кафтаны вышивали.
 Ни дороги наши кафтаны
 Дороги деньги в кармане.

№ 9

Ай по лугу, лугу,
 Расстилалася трава.
 Ай ли, ой ли да люли,
 Расстилалася трава,
 Разливалася вада,
 Соезжались гаспода,
 Становились ва кругу.
 Красны девки хороши,
 Разлапушки пригожи,
¹⁰ Одна девка лучше всех,
 В косе лента алая,
 Сама девка бравая.
 — Чьего роду, чьего дому?
 Как по имени зовут?
 Ее зовут Лександра
 Васильевна купца дочь.
 Отайдитя вы все прочь,
 Я стоял бы у тибя,
 Я глядел бы на тибя.

№ 10

Виселая биседушка, где батюшка пьет,
 Он пить ни пьет, радимый мой, за мной, молодой, шлет.
 А я, млада-младешинька, замешкалася
 За утками, за гусями, за лебидями,
 За мелкаю за пташкаю за журушкаю.
 Как журушка по берижку похаживает,
 Шелковую ковыль-травку зашипывает,
 Стюденаю водицаю захлебывает.
 За речькаю за быстраю селенье мало,
¹⁰ Мало 'но * малешинька — чатыря двора,
 Во этих во дворики чатыря кумы.
 Вы кумушки-голубушки, подружки мои,
 Кумитися-любитися, любитя мне,
 Ступайте в зеленый сад, возьмите мне.
 Вы станите цветочки брать, сорвитя вы мне,
 Вы станите вяночки плесть, сплятите вы мне,
 Вы станите венки пускать, пуститя вы мой,
 А все венки посверх воды, а мой потонул.
 А все мужья с Москвы пришли, а мой ни пришел,
²⁰ Он сам нийдет, письма ни шлет — знать сам пропал.

* 'но — оно. — *Ред.*

№ 11

ВЕЛИЧАЛЬНАЯ

У нас свата
 Росла в саду мята,
 А вся поломата,
 В пучки повязата,
 В терим побросата.
 А кто у нас любчик,
 Сизинький голубчик?
 — Павел-то любчик,
 Лавр<ыч> голубчик.
¹⁰ Он по двору ходит,
 Манежно ступаит,
 Сапог ни ломать,
 Чулок ни мараить,
 На коня садится,—
 Конь под ним гордится,
 Он плеточкай машет,
 А конь под ним запляшет,
 Со двора съезжаить,
 Конь под ним играть,
²⁰ К саду подъизжаить,
 А сад расцветайть,
 К лугам подъизжаить,
 Луга зеленеют,
 К морю подъезжаить,
 Моря разливають,
 К двору подъезжаить,
 Матушка стричайть:
 Поди, поди, любчик,
 Сизенький голубчик,
³⁰ <1 нрзбр.> тебе, голубчик,
 Жить вот тут <1 нрзбр.>
 Спать-то холодненько.

Под новый год авсени кличут

Наряженные бабы, мужики, девки. Наряженные ходят по дворам и поют или, как здесь говорят, грают:

№ 12

Мы ходили, мы гуляли,
 По святым вечерам.
 Ей авсень, ей авсень...
 Мы искали, мы искали
 Мы Ульянова двора.
 Ой авсень...
 Сиреди яво двора
 Стоить горинка нова.
 Ой авсень...
¹⁰ А у этай ва горенке
 Ай три окна.
 Ой авсень...

А и первое окно —
 Светёл месяц в окне,
 А другое окно —
 Красна солнушка,
 Ай третье окно —
 Часты звёздушки.
 Как светёл-от месяц —
 20 Так сам-от Ульян.
 Ой овсень...
 Што и красно солнушка —
 Што Авдотьюшка.
 Ей овсень...
 Часты звездушки
 Яго детушки.
 Ой авсень, ай овсень.
 Дайте нам ножку
 На краснаю ложку!
 30 Ой ав<сень>...
 Ни дадите пирога,—
 Мы корову за рага,
 Ни дадите пышки,—
 Хозяйку за сиськи.
 Кишки да желудки
 В печи-та сидели,
 На нас-то глядели.
 Авсень каледу
 Павалаял на льду,
 40 Валачил-валачил,
 Сарафан намочил.
 Ей авсень, ей авсень.

№ 13

На Троицын день девки и бабы в рощу идучи поют:

Девки пò лагу гуляли
 Цветы алы сорывали,
 Вяночки завивали,
 На галовку надявали,
 Дамой иттить апаздали,
 Пад кустиком начивали.
 Злы собаки набижали,
 Мне, младу, испужали.
 На ту пору, на тот час
 10 Сам охотник наезжал,
 Са добра коня слезал,
 Хорошо девке сказал:
 — Иди ко мне, девка, смело.
 Смотри мое тело бело,
 Мое тело распотело,
 Разгуляться захотело.
 Пойду я во горенку,
 Сяду я на лавочку,
 Возьму балалаичку,
 20 Стану я играть,
 Брóвыми моргать.
 Гололобовским ребятам

В Москве пожилосе,
 Прибагатиласи.
 Вечор по тыргу гуляли,
 Сирябро на медь миняли,
 Муку солыд закупали,
 Бражку пьяную варили,
 Мине, младу, напалили.

№ 14

Ты не пой, не пой, душа соловей,
 Не буди-ка-ся мойво дружка,
 Я сама дойду — дружка разбуджу,
 Про все тайности дружку расскажу:
 — Ты восстань, мой друг, пробудись, душа.
 — Ни могу я встать, головы поднять,
 Да болит больна буйна голова
 Со вчерашнява с горькава с вина,
 Са надвешнява са пахмельница.
¹⁰ А и все полки вы паход пошли,
 Ай один-от полк убирается,
 Маява дружка дажидаица,
 Новы ружьицы на возу вязут,
 Самаво дружка под ручки вядут.

В заключение нонешнего довольно удачного для меня дня вечером хозяин угощал меня...

7 августа. Там же

Говорят 12 часов, а я только сейчас встал и отправил Васю за девочками, — опять примусь за песни.

Вчера мне не удалось дописать начатой фразы, окончу теперь. Вчера был я угощен фейверком. Акулов, П. и я сидели на балконе и перед нами горели потешные огни, а в двух шагах от нас эти же самые девочки кричали очень усердно: «нашего хозяина дома не случилось» с продолжением.

Я было забыл сказать, кто был главным фейверк-мастером. Прокофий, который как-то и когда-то видел, как делал фейверки один знакомый Акулова. Этот же Прокофий славно женат и хороший кучер. Он же сработал и потешные огни, да еще какие. <1 нрзбр.> вас, Дмитрий Павлович, я отплачу присылкою чернилами свой дневник — хотите, читайте, не хотите, передайте Киреевскому не читая. <Далее четыре строки нрзбр. — все стерлись. — П. У.>

№ 15

Заводы мои фабричны,
 Еще горемычны!
 Уж и кто эта завод завел?
 Завела этот заводик
 Красна девушка,
 Красна девушка, душа Палагеюшка.
 Не достроивши завод, сама в лес пошла,
 В лесу-то девушка заблудилася,
 На рябинушку она загляделася.
¹⁰ — Ты рябина моя, рябина кудрявая,
 Еще кучерявая.

КИРПИЧНЫЙ ЗАВОД
Акварель Карла Кнаппе, 1790-е годы
Исторический музей, Москва

Ты когда росла, когда выросла?
Ты когда твела? Когда вытвела?
— Уж я весной твела, летом вытвела.
Ты не стой, рябина, не стой на крутой горе!

№ 16

Суздальцы! Владимирцы!
Когда ваши жены именинницы?
— В среду Арины,
В пятницу Салмониды,
А в субботу —
На работу.
На барщину гонют рана,
А хлебушка дают мала.
Вот, кто шь тебе нёс
¹⁰ На дырявый мост?
Тебе надобна держаться за собачай хвост.
За собачий хвост держалась
Туды-сюды маталась,
Оборвалась!

№ 17

Я по бережку пахаживала,
Я па крутому пагуливала,
Чернобыльничик заламывала,
Гусей-лебедей заганивала.

Ужли гуси наплавались?
 Я на вас глядя, наплакалась.
 Навстречу мне молоденькой,
 Молодой сержант, молоденькой,
 Каламениц — добрый молодец-душа
¹⁰ Он стал со мной заигрывать,
 На резвы ноги наступывать,
 В белы руки похватывать,
 За белы́ руки,
 За бело лицо.
 Мое личинько разгарчивое,
 Ретиво сердце распальчивое,
 Моя матушка дагадливая:
 Приду домой — дагадаится,
 С чево лицо разгараится,
²⁰ С чево лицо, с чево белое мое.
 Я у речушки не стаивала,
 Я и суп, каши не варивала,
 Я большой семьи не кармливала.

№ 18

Ночки темны,
 Тучки грозны,
 Из поднебесья идут.
 Наши храбрые драгуны
 Тихим маршицем идут.
 Они идут, маршируют,
 Промеж себя говорят:
 Трудно-трудно нам, ребятам,
 Аршав город взять,
¹⁰ А трудней тово ни будит
 Нам под пушки подбижать.
 Мы над пушки подбежали,
 Закричали усе: ура!
 Граф наш Паксеев
 Громким голосом кричал:
 Нуте, братцы, бейте, не робейте!
 Подается сила нам!
 Вы, праклятыи паляки,
 Пакаритися вы нам.
²⁰ Ни пакаритися вы нам —
 Всех парубим вас, пабьем,
 Точно травку подсижем,
 Вы полон вас заберем.

№ 19

У Калуцкова купца,
 Стоял фабричек новой.
 Ва этом фабричкй
 Фабришны мастера
 Все па лавычкам сидят,
 Между sibя говорят,
 Хозяина бронят:
 <...>
 Сы заводом сы твоим,
¹⁰ Сы струментом сы стальным,

Сы товаром сы гнилым!
 Сабиремтись, рабяты,
 К хозяину самому
 За ращот дениг просить.
 Наш хозяин догадался,
 На крылечко выходил,
 В карман ручки апустил,
 За распот дениг вынял (!!!)
 По цикловому рублю.
²⁰ Мы пайдемти-ка, рабятя,
 Вы царев кабак взойдем,
 За пичатью штоф возьмем,
 Уж мы выпьем па рюмачки,
 Уж мы выпьем по другой.
 Из трахтира вон пойдем,
 Уж мы станем вкруговую,
 Грянем песню удалую:
 — Как под дожжичком трава,
 То солдацка голова!

№ 20

Во городи, люли, вы Казани, 4*
 Середи торгу на базари, 4
 Молодой чернец подстригси, 4
 Молодинькой побрилси, 4
 И во черную ризу нарядилси. 4
 Захотелось чернецу погуляти, 4
 За новым вороти вы городы, 4
 Навстречу чернецу стары бабы, 4
 Чернец каблук надвинул, 4
¹⁰ На старых баб ни взглянул, 4
 Навстречу чернецу красны девки. 4

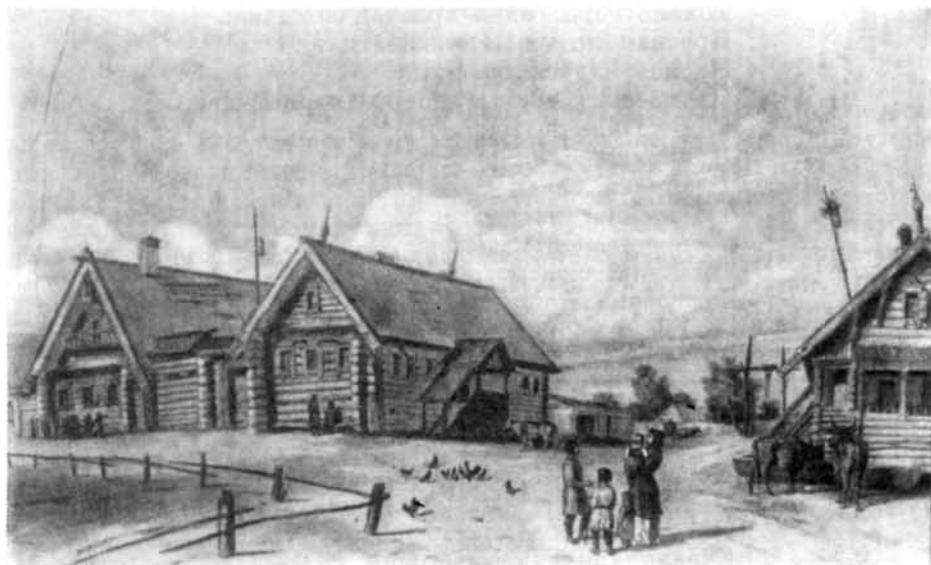
№ 21

Ни шум шумит,
 Ни грóм гремíт,—
 Младый турчанин
 Вы палон берет.
 Даставалась теща зятю,
 Павез он ее ка турчанычки.
 — Турчаночка! На вот тебе полоняночку!
 Заставь ты ее трех дел делати:
 Резвым ногам — дитя качать,
¹⁰ Белым рукам — гужель вертеть,
 Ясным очам — гусей стеречь.
 Заставила турчаночка
 Полоняночку дитя качать:
 — Ты качай дитя, прибаюкивай:
 Ай бай, люлю, молодой турчанин!
 Взяла полоняночка турчанёнычка,
 Положила в люлечку,
 Стала качать, прибаюкивать:
 — А баю, люлю, молодой турчанин,
²⁰ Мне тебе барином звать ни хочется,

- А унучиком — веры не имитца,
 Твоя-то мать, да моя дочь была,
 Ва полон семи лет взята,
 Ва полонѹ живет 33 года.
 Посылает турчаночка своих нянюшак:
 — Уж вы, нянюшки-мамушки,
 Вы подити послушайте,
 Качает ли полоняночка
 Маво турчаниночка?
- ³⁰ Качает ли, при<баюкивает> ли?
 Пришли нянюшки и мамушки,
 Стали сказывать турчаночки:
 — Качает она ево, приговаривает:
 А бае, люлю, молодой турчанин,
 Мне тебя барином звать не хочется,
 А унучиком — веры не имитца,
 Твоя-то мать да моя дочь была,
 Ва полон семи лет взята,
 Ва полонѹ живет 33 года! —
- ⁴⁰ Пошла турчаночка к полоняночки,
 Пала ей на коленочки.
 — А матушка моя родимая!
 Што ты мне прежде всево не призналася?
 Не заставила б я тебе трех дел делати,
 Не надела б я на тебя шубу сырмятную,
 Надела б я на тебя шубу соболиную,
 Взяла бы я тебя во высок терём.
 — Дитятко мое милое!
 Не сниму я шубу сырмятную,
- ⁵⁰ Не надену шубу соболиную,
 Не пойду я ва высок тирём,
 Лучше пусти мне на Святую Русь
 К маем-то ли малым детушкам. —
 — Кучера вы фалетуры!!!!
 Запрягайте моих вороных коней
 Ва залотую каретушку,
 Везите мою матушку
 На Святую Русь
 К ее ль-та ли малым детушкам.

№ 22

- Что ты, батюшка Ярослав-город!
 Хорошо ж ты, город, сам построен:
 Лутчи Питера, лутчи Киева,
 Лутчи матушки каменной Москвы!
 Што у три ряда стены каменные,
 Четвертой ряд — все купечество, маладечество
 Ни туман с моря подымается,
 Ярослав-город загорается,
 С одной лавочки занимается.
- ¹⁰ Во той лавочки — дорогой товар,
 Дорогой товар — драгоцен камень,
 Драгоцен камень — молодой там купец,
 Разудалый молодец.

ДЕРЕВНЯ В ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ
(на дороге между Ярославлем и Костромой)
Автолитография А. Дюрана, 1843
Литературный музей, Москва

№ 23

Разаренный путь-дорожка
От Можая до Москвы.
Разорил эту дорожку
Неприятель вор-француз.
Разоривши этот путь-дорожку,
Во свою землю жить пошел.
Ко Парижу подашел,
Под <Парижем?> постоял,
Сам головкой покачал:
10 — Ты Париж, мой Парижок,
Париж новый городок!
На ту пору случилися
Здесь донские козаки:
— Ни хвалися, вор-француз,
Своим славным Парижѡм,—
У нашева царя
Есть полутчи городок,
Есть полутчи, покрасней
Распрекрасна жизнь-Москва.

№ 24

Вниз па матушки па Волги,
Па широкому раздолью
Подымалась незгода,
Незгодушка немалая,
Волновая.
Ничево валны не видна,

Только видна адна красная лотычка:
 Красная лотычка краснеитца,
 На ней парусы белеютца,
 10 На гребцах черныя шляпы чернеютца,
 Сам хазяин вы наряди,
 В каришневам кавтане,
 В тонкем белам балахоне,
 На им картузок,
 Питенбургскай казырек,
 Он купеческай сынок.
 Возговорил-та нам хозяин:
 — Уж вы, братцы-ребятушки!
 Мы паедемте вниз по матушки по Волге,
 20 Уж мы станем дли Анюшинова подворья.
 Анюшинька выходила
 С им речи говорила:
 — Не прагневайся, милай дружочик,
 В чем ходила, в том и вышла:
 На головушки платочик,
 Словно алинькай цветочик.

25 апр⟨еля⟩ с. Архангельское

Латынино тоже Чернского уезда ото Мценска 38 верст, от Ефремова 73.

Вчера, выехавши из Яблонина, попался мне какой-то мужик. Разговорившись со мною, он рассказал, что у них есть верх Синий камень, где Кудеяр зарыл клад, и огонь там видают, да только клад там не находят, а верстах в 4-х от Синего камня в Муравке (около Муравского шляха), когда господа велели копать пруд, находили монеты, которые прожили не один десяток годов. В этом же верху, по его словам, есть кладбище, на котором Кудеяр-разбойник хоронил зарезанных. — Да барин не приказывает копать, а то, может быть, и вырыли бы, — прибавил он.

№ 25

Ты заной, ⟨заной⟩, моё сердечушко,
 Заной, ретивое!
 Ты заслышь-ка-ся, заслышь, моя разлюбезная,
 Заслышь галасочик!
 Што ва чистом-та полю-полю, при дорожуньки
 Сняги забилелися,
 Забилелися у маво, маво разлюбезнова
 Каменны полаты,
 10 За полатами стоять, стоять два шатерчика,
 Шатры шалковыя,
 За шатрами стоять, стоять да два столика,
 Столы дубовыя.
 На столах-то висять скатерти белыя,
 Скатерти белыя.
 На столах-то стоять, стоять два горнилица,
 Края золотыя.
 За столами сидять два молодчика,
 Парни молодыя.
 Они пишут письмо на белой бумажуньки,
 20 На белой бумаги,
 Пирид ними вот стоять две краснай девушки,
 Слезна плачуть.

ЖУРНАЛ ПЕШЕХОДЦА

30 января <1847 г.> Гурьев. Дневник

Слава богу, наконец, мое путешествие приведено в дело. Когда я выехал за заставу, отпустил извозчика, который вывез меня за заставу, взял за плечи свой страннический короб и отправился на *цуфускане*^{1*}. Тут шли извозчики, к которым и я пристал. Мне очень хотелось с ними поговорить, и потому я не стал курить; думал, что они старообрядцы; один из них увидал у меня трубку, которая было выскочила из-за пазухи, и речь завязалась об трубке, табаке... Мой товарищ был не раскольник, говорил, что Дмитрий Ростовский и курил и нюхал. «Да и водку пить не грех, — говорил разговорившийся мой спутник^{2*}, — ежели пить умеренно. Раз один пьяница пришел в рай, где стоял Петр и Павел с ключми от рая. — Пусти, брат, меня в рай, — говорит пришедший. — Ах, ведь ты пьяница! — Не стыдно ли тебе? — говор<ит> пьян<ица>, — ты сам был кто? Клял господа бога, а теперь по милости его держишь ключ от рая. — Нечего делать было Петру-Павлу, пустил пьяницу в рай — он не клял бога и не отрекался от него. Только что хотел я расспросить еще кое про что, кто такой был Петр-Павел, как один из извозчиков закричал:

Москва горит! Мой рассказчик посмотрел на них, засмеялся:

— Это за нас богу свечку поставили, чтоб счастливый путь был.

— Как бы не так, — говорил другой, — свечку поставили богу за то, что вы выбрались из Москвы, а завтра молебен будут служить! Который прав, Николай?

Поговорили еще кой об чем, я присел на сани к одному из порожних извозчиков, заснул и очутился за 36 верст от Москвы в *Красной Пахре*.

На другой день сел к другому извозчику, который взялся меня везти за полштофа водки хоть до самой Калуги. Один из моих товарищей сказал мне притказку:

«Едет мужик в город.

— Куда, брат, едешь? — спрашивают его ребята.

— В город! Матушка третий день ни <...> в рот не брала, дык купить калач да образ.

— А много денег?

— 40 копеек!

— Ну, хорош будет образ!

— *Годится <молиться>, а не годится молиться* — горшки накрывать!»

Ответ его вошел в пословицу.

Сколько едят мои товарищи! Надо заметить — и я с ними!

Еще есть песни три, да переписывать не хочется: устал — спать буду.

31 января. Андроновское. Дневник

Приехавши в Калугу, пошел искать Гиля, он уехал куда-то на свадьбу и придет не ближе недели. Сыскал прежнего своего товарища Батолина — потолковали об прошлом, хотелось мне у него побыть подолже, а нельзя было: я нашел себе приятеля Федора Афанасьева из сельца Андроновского, с которым и пришел в Андроновское.

Пришел в Андроновское. Здесь меня, кажется, полюбили. Вчера вечером лег, стал думать об моем путешествии; вспомнил про Тарутинский памятник, я долго не мог отнять от него глаз. Он стоит за деревню, и, ежели

^{1*} Вероятно, цуфускане, шуточное слово, образованное самим Якушкиным из немецкого *zu fuss* (gehen) — пешком (идти). — *Ред.*

^{2*} Против этой строки на полях отмечено: Про Павла, Петра и пьяницу.

глядеть из Москвы, то он тогда только виден, когда к нему подойдешь. Осмотрел его вблизи, потом долго на него смотрел издали. Теперь я сижу в избе. Мне поют песни портные из Хроловского села Мищевского уезда (кстати, они пришли в избу и спросили, есть ли *шитва*).

Поселился я жить в с. Андроновском у Афанасия Жидкова. Сын его Федор со мной пришел из Москвы. Нонче я завтракал и обедал тут. За обедом узнал, что за *трубку* и за *табак* грех говорить спасибо.

Замечательно, что жители Недельного называются *недельницы*. Кстати: *Недельники* известные коноводы; не коннозаводчики, а *воры лошадиные* (выражение Баршева).

В Стретье метель — подберет кормок — зима долго будет.

1 февраля, вечер

Пишу при свете светца. Верно, вы знаете, что за штука светец.

Нонче, кажется, я довольно записал. Только этим я недоволен. Хочется очень уйти отсюда, но одному страшно. Мои собеседники — портные (мужики — *ходобщики*). Они здесь поработают дня два, а потом пойдут в *Гремучий колодезь*.

№ 26

Кулик куликает, ни молоденькой князь Голицын по лужку гуляет,
Он ни один князь гуляет с своими полками,
Со любезными сы полками, больше с козаками.
Да он думает князь гадает, про все размышляет.
Вот и где князю Голицыну во Москву проехать?
Вот и полем князю ехать, — полем было пыльно,
Вот и лесом князю ехать, — ему было страшно,
Вот и полем ехать князю, да <на> ем былья,
Вот Москвою ехать князю, — ему больно стыдно.
¹⁰ Отчего же князю стыдно? — Что первый изменщик!
Вот и ехал князь Голицын улицей Тверскою,
Да все улицей Тверскою, слободой Ямскою,
Слободой все Ямскою к новому собору.
Он скидает князь Голицын шапочку соболью,
Шапочку соболью несет он с собою.
Он снял князь Голицын, стал богу молиться.
Вот и богу князь помолился, да всем поклонился:
— Уж ты здрастуй, царь-государь, со своей царицей,
Уж ты жалуй, царь, господ разными чинами,
²⁰ А меня, князя Голицына, малым городочком,
Да вот малым городочком — славным Ярославом.

Меня здесь подозревают: здешняя помещица присылала узнать обиняком, зачем мне песни. Угостил *приличным образом* посланного. Хотелось пробывать воскресенье — опасно. Думаю завтра ехать в Калугу. В это время, когда я пишу, рассказывается анекдот, как поймали одного *Ванюшу*, который выдавал себя за правую руку царя. Правда, я не занوشусь так высоко — что будет до завтра!

№ 27

Только я выйду за ворота, —
Всё луги, болоты.
Как вы этих вы лужочках
Ковыль-травка вьетца,
В молодца, у парничка
Живот-сердце бьетца,

На единой на часочик,
 На час не войдется.
 Про нас с тобой, хорошая,
¹⁰ Лихия люди судють.
 Пущай судють, пущай рядють,
 Что я тебя люблю ^{1*}.
 Люблю хорошую,
 Любить долго буду,
 Тебя любить буду,
 Поколь сам отстану,
 Любить перестану.
 В чистом поле при вдолине
 Стояла там древа ^{2*},
²⁰ Тонкая, высокая,
 Листом широкая.
 Как на этом на древе
 Сидит сиз голубчик,
 Сизинькой-то голубчик,
 Завдалой молодчик.
 Перед голубом голубка
 Жалобно гуркуеть,
 Перед молодцем красна девка
 Сама слезно плачеть,
³⁰ Девка плачеть и рыдаеть,
 Все Ваню ругаеть:
 — Рассукин сын ты, Ваня! —
 На што ж ты женился?
 На што, Ванюшка, женился?
 На што ж кабаился?
 Кабы знала я худую долю,
 Замуж не ходила,
 Я бы в девушках век сидела,
 Косаньку растила,
⁴⁰ Батюшке служила.

№ 28

Уж вы ночи ль вы мои,
 Ночи мои темнай!
 Усе-то я ночи-ночушки просиживала,
 Как усе-то я, усе думушки прадумала.
 Как одна-то мне дума-думушка с ума нейдет,
 Как с ума-то нейдет, сы крепкого разума:
 Кабы были у меня, у молодца, крылушки,
 Я взвился полетел на свою сторонущу,
 А еще б я поглядел на свой на *высок* терём,—
¹⁰ Как во тереме сидит молода жина,
 Что ни одна она сидит — сы малыми *детками*.
 — Уж вы дети ль мои, дети маи малаи!
 Уж и хто ж вас, дети, да воспоил-кормил?
 — Воскормил-вскормил — да нас православный мир,
 Воспоила да нас Волга матушка.

^{1*} Эти две строки вписаны позднее другими чернилами. — П. У.

^{2*} Против этого стиха помета Якушкина: Среднего рода, кажется, нет.

№ 29

Выду я во горенку, сяду на лавку,
 Сяду я на лавочку, погляжу в окно,
 Гляну я в окошечко — на улице *дошь*,
 На улице сильный дошь, во поле туман.
 Во поле большой туман растуманился,
 Вот мой-то любезный друг распечалился.
 Печальна была вестушка, весть нерадостна,
 Нерадостная весточка, невеселая,
 Невеселая вестушка про мила дружка.
¹⁰ За что мил убит лежит, — во девушек был.
 Во девушек милый был на беседушке.
 Вспомни-вспомни, милый мой, прежнюю любовь,
 Где мы с тобой, милый друг, совыкалеса,
 Совыкалеса, милый друг, во чистом полю,
 Во чистом-то во полюшку под березою.
 Да на этом местечку трава не растет,
 Трава не растет, — тама ракитовый куст,
 Да на этом на кустику кукушка сидит.

№ 30

Уж ты воля, моя воля,
 Воля дорогая!
 Эта воля дорогая,
 Девка молодая.
 Девченокка молодая,
 Разумом глупая,
 Девка, разумом глупая,
 По саду гуляла,
 Красоту теряла,
¹⁰ В острог жить попала.
 Мимо этого острожка
 Лежала дорожка.
 Вниз по этой по дорожке
 Много ходють и ездють
 Ни купцы ли, ни бояре,
 Московские дворяне.
 А мово дружка, Ванюши,
 Его здесья нету.
 За рекой Ваня гуляет,
²⁰ За быстрой шатает,
 Он с иною со милою,
 Сы красною девчонкой,
 С купечецкой дочкой.

№ 31

Во прошлом во году
 Завродилась сильно ягода в бору,
 Облудилась красная девка в зеленом саду
 Облудившись, выходила на Дунай-реку;
 Присадила на крутеньком девка бережку
 Расстила^{ла} полушолковый алый платок,
 Выставляла сладки водки полуштоф,

На закуску бел крупчатый девка пирог,
 Она кликала перевозчика-парня к себе:
¹⁰ — Перевозчик! Перевозчик! Парень молодой!
 Перевези меня на ту сторону, девку, домой!
 За работу ты, что хочешь ты, с меня возьми.
 — Ничего я, красная девка, с тебя не хочу,—
 Поди, девка, поди, красная, замуж за меня!
 — В этом воля, перевозчик, воля ни моя,—
 Эта воля, перевозчик, воля батюшки,
 А еще ли, еще — родной матушки.

№ 32

Вы туманы мои, туманушки,
 Разосенные мелкие дождички!
 Не пора ли вам, туманушки,
 Со синя моря долой?
 Вам не время ли, ребятушки,
 Со гуляница домой?
 Прошло время дорогое,
 Прошла красная весна,
 Наступило время злое
¹⁰ К нам холодная зима.
 Все реченьки призастыли,
 Ручеечки не текут,
 В саду листики опали,
 Песни пташки не поют.
 Соловей гнезда не вьет,
 Ко мне миленький нейдет.
 Нынче с миленьким разлука —
 По нем плакать не велят,
 Не велят плакать-тужить,
²⁰ Не велят его любить.
 Ты вздохни-вздохни, голубчик,
 В<з>дохни, вздумай обо мне!
 Как меня ты оставляешь
 На проклятой стороне?!

№ 33

Что за горе, за беда
 На доброго молодца!
 Уж я улицей иду —
 Меня сон клонит,
 Переулочком иду —
 Дрёма с ног валит.
 Я пойду ли, молодец,
 Вдоль по улице новой,
 Я зайду ли, молодец,
¹⁰ На почтовой двор.
 На почтовом на дворе
 Растворены ворота,
 Распечатаны стоят.
 Я взойду ли, молодец,
 На высок красен крылец;
 Закричу я, молодец,

ПРИЕЗД КОРОВЕЙНИКА В ДЕРЕВНЮ

Акварель неизвестного художника, 1860-е годы

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

Громким голосом своим:
 — Уж вы, слуги, мои слуги,
 Слуги-верны кучера!

²⁰ Вы подите-ко сюда,
 Приведите мне коня.
 Я пойду ли, молодец,
 Во чисто поле гулять.
 Уж я полем шел,
 За собою коня вел,
 Коня воронова,
 Кругом кованова,
 Приоседланного,
 Приобратанного,
³⁰ Серебрены удила,
 Шелковые поводя,
 У черкасского седла
 Булатные стремяна.
 Как во чистыим во поле
 Растет сыренькой дубок,
 На нем сухонький сучок.
 Как под этим под дубом
 Шелкова трава росла,
 Трава шелковая,

⁴⁰ Цветики лазоревы.
 Уж я выкормлю коня,
 Уж я выглажу добра,
 Привяжу свово коня,
 Я за сыренькой дубок,
 За сухонький за сучок.
 Как под этим под дубком

Я раскину бел шатер,
 Постелюшку постелю —
 Подседельный войлочок,
⁵⁰ В изголовье положу
 Я черкасское седло,
 Я с собою положу
 Красну девицу-душу,
 А сам лягу молодец
 На правой ея руке,
 На белой ея груди.
 Проспал-проспал молодец —
 При мне нету ничего:
 Ни коня нет, ни седла,
⁶⁰ Ни девушки, ни шатра.
 Я пойду ли, молодец,
 Вдоль зелена луга гулять.
 Лишь навстречу молодцу
 Злой турчин скоро бежит,
 Он кричит, он и свистит,
 Что коней гонит поить;
 На моем же на коне
 Красна девица сидит;
 Прираспущена у ней
⁷⁰ Ея русая коса,
 Призаплаканы у ней
 Очи ясныя-глаза.

№ 34

Я вечер, добрый молодец, загулялся,
 С разлапушкой красной девицей застоялся,
 Как про все-то с разлапушкой перебаял,
 Я одно-то тайное словечушко позабыл сказать.
 — Ты не плачь, моя любезная, не плачь не печалься.
 — Как велел-то мне мил сердечной друг нарядиться:
 Нарядись-ка ты, моя сударушка, во цветное платье,
 Набелись-ка ты, моя сударушка, нарумянсья,
 Ты возьми-ка, моя сударушка, с собой зелена вина,
¹⁰ Ты и выдь-ка, выдь, моя сударушка, в чисто поле.
 Ты и стань-ка, стань, моя сударушка, под белой березой!
 Со стояньица мои резвы ноженъки подломились,
 Со маханьица мои белы рученьки опустились,
 Со гляденьица мои очи ясныя помутились,
 С огорченьица моя буйная головушка с плеч скатилась.

№ 35

Не пой, не пой, соловушек, не пой, молодой,
 Не давай тоски-назолушки ретиву сердцу,
 И так тошно-грустнехонько сердцу моему.
 Вспомни-вспомни, дорогая, прежнюю любовь,
 Как мы с тобой, дорогая, съизмалехоньку росли,
 Короткии летни ноченьки прогуливали,
 Осеннии темны ноченьки просиживали,
 Забавныя тайны речи говаривали:
 --- Тебе, мой друг, не жениться, а мне замуж не итти

- ¹⁰ — Тебе, мой друг, нет невесты, а мне нету жениха!
 Из-под камушка горячаго вода не течет,
 Из-под кустика ракитова речка протекла,
 За речушкой за быстрою зелен сад растет,
 Во садике в зеленом нов терем стоит,
 Во тереме во новым девушки сидят,
 Тихохонько, хорошонько песенки поют.
 Знать, там мою любезную сговаривают.
 За речушкой за быстрою в цимбалики бьют:
 Знать, там мою любезную замуж отдают.
- ²⁰ Поил-кормил милую, прочил за себя;
 Досталась красавица иному, не мне,
 Иному-то она, не мне — лакею-свинье!
 С того крыльца ведут к венцу красну девицу,
 Жених ведет за рученьку, дружка за другу,
 Третий стоит, сердце болит — сам речь говорит:
 — Красавица-забавница, простимся с тобой;
 — Я рада бы простилася, кони не стоят,
 Извожички молоденьки — не могут держать;
 Возжей тронут, кони дрогнут — земля задрожит!
- ³⁰ Я рада бы махнула бы — платка в руках нет!
 — Красавица-забавница! Взгляни хоть глазком!
 — Я рада бы взглянула бы — закрыты глаза,
 Закрыты ли мои глаза черною фатой.

№ 36

- Ах как цвели-то цвели в поле алы цветики,
 Цвели да поблекли,
 Как любил-то любил, любил парень девушку,
 Любил да покинул.
 Он не год-то любил, любил не неделюшку,
 Ровно три годочка.
 На четвертый-то на год парень с красной девушкой
 Стали расставаться,
 Что задумал-то задумал добрый молодец,
¹⁰ Задумал жениться;
 Как покинул-то красну девушку,
 В глаза надсмехался.
 Он при всем-то мире, при всем при народе,
 В большом хороводе,
 Он и снял-то сорвал, сорвал с красавицы
 Шалевой платочик,
 А еще-то он снял-сорвал с красавицы
 Янтарный борочик,
 А еще-то он снял-сорвал с красавицы
²⁰ Золот перстенечик.
 За то стало девушке, за то раскрасавице
 Стало ей обидно.
 Душа красна девушка, душа красна Аннушка
 С хороводу вышла;
 Что было по городе, городу Саратову,
 Во горести, в печали Аннушка гуляла,
 Она себе, красная, гербовой бумаженьки
 Листик покупала,
 Молодого-то она писаря, писаря искала,

- 30 Писать нанимала.
 Астраханскому^{1*} она новому губернатору
 Просьбу подавала.
 — Ах ты, батюшка астраханский наш новый губернатор,
 Прими мою просьбу,
 Рассуди ты нас, батюшка губернатор,
 С милым по закону;
 Не рассудишь ты нас, не рассудишь по закону,
 Дойду до Сенату.
 — Уж ты глупая, неразумная
 40 Красная девица!
 Ты подумай-ка, раскрасавица,
 Что я тебе скажу:
 Не сама ли ты, красна девица,
 Будешь виновата?
 Без красныя-то без зореньки
 Солнышко не взойдет,
 Без прилуки-то добрый молодец
 К тебе не подойдет.

№ 37

- Кровать моя, кроватушка, кровать тесовая,
 Срублена кроватушка из несчастного дерева,
 Поставлена тесовая на разлучшем месте,
 Где девица с молодым в беседи сидела,
 Красная с дорогим речи говорила:
 — Молодец-мое сердце, хороший-пригожий,
 Хороший-пригожий, белый, кудреватый,
 Белый, кудреватый, холост-неженатый!
 Загану я загадочку, — изволь отгадати:
 10 Сшей ты мне шлафрок из макова цвета!
 — Девица-девица! Напряди мне нитей,
 Напряди мне нитей из белого снегу,
 Чтоб нити не рвалися, шлафрок не поролся!
 — Молодец-молодец! Сошей мне башмачки,
 Сошей мне башмачки из желта песочка!
 — Девица-девица! Наряди мне дратвы,
 Наряди мне дратвы из дождевых капель,
 Чтоб дратва не рвалась, башмак не поролся.

№ 38

- Я посею ль, млада-молоденька, цветиков маленько,
 Стали цветы расцветати, сердце обмирати;
 Я на цветики взирала, сердце обмирало,
 Сердечушком обмирала, дружка поджидала.
 Идет-идет моя радость, идет, да нескоро,
 Вижу-вижу моя радость не хочет пойти.
 Люби-люби, моя радость, кого ты захочешь,
 Я довольна, друг, тобою — простился со мною,
 Уж я с горя, со кручины пойду во светлицу.
 10 У девицы во светлице поют разны птицы.
 Они пели-распевали резвым голосами,
 Я б списала голос-голосочик на тонкий листочик,

^{1*} Слово астраханскому написано сверху вм. зачеркнутого саратовскому. — Ред.

М. А. БАЛАКИРЕВ. «УВЕРТЮРА НА РУССКИЕ ТЕМЫ», ИЮНЬ 1868 Г.

Партитура. Автограф

Первый лист

Музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки, Москва

Что на тоненький листочик, на белу бумажку,
 Я послала б голосочик к любезному другу,
 Что к любезному дружечку со маленькой пташкой:
 Как велит ли мой надежа хорошо ходити.
 Ходи-ходи, моя радость, ходи хорошенько!
 Не ходи, моя надежа, ко соседу в гости.
 У соседа во беседе холост-не женатый,
²⁰ Холост на ногу ступает и вон вызывает,
 На двор, на двор на часочик, на одну минуту.

№ 39

Заводы мои, заводушки кирпичные,
 Вы кирпичные, вы недобышныя,
 Недобышныя горько-горемышныя!
 Уж и кто вас, заводы, завел исперва?
 Заводил-то заводы добрый молодец,
 Добрый молодец Иван Федорович.
 Разоряла-то заводы красна девушка,
 Красная девушка — душа Пелагеюшка.
 Разоривши-то заводы, она в лес пошла,
¹⁰ Она в лес пошла, в бор по ягоды,
 За малиною, за рябиною.
 Во лесу-т девушка заплуталася,
 В шелковой траве Поля заигралася,
 На рябинушку она загляделася.
 — Ты рябина моя, рябинушка,
 Кудреватое славно деревцо!
 Ты не стой-ка, не стой на крутой горе,
 На крутой горе, на быстрой реке,
 Близко быстрой реки, Волги матушки.
²⁰ Как весна придет — с гор вода пойдет,
 Тебя с корнем вода вымоет,
 Поломает твои сучки-веточки.
 Все любезного дружка приметочки,
 Унесет ли тебя на желты пески,
 На желты пески — на Макарьевски.

№ 40

Во Саратове Ванюшка родился,
 В Петербурге Ваня возростился.
 Обещался Ванюшка в деревню жить итти,
 С деревенскими мужиками работу роботать.
 Нет такой тоски-заботы — деревенские роботы!
 Друг пред дружкой торопятся,
 Чтоб с поля скорей убраться,
 Покуль туча не взошла,
 Покуль тучка не всходила,
¹⁰ Частым дождем хлеба не мочила.

№ 41

Ты взойди-ка-ся, взойди, красная солнушка!
 Над долиною над широкаю,
 Над горою над высокаю,

Над дубраваю над зилёнаю,
 Йябагрей-ка-ся ты нас, добрых молотцав,
 Добрых молотцев, сирот беднаих,
 Сирот беднаих, салдат беглаих.
 Нама ехати мима горада,
 Мима горада, мима Сарезнева,
 10 Мима частава бирезничка,
 Протякала тут речка быстрая,
 Река быстрая, вада чистая,
 Выплавали здесь два карабляки,
 Два караблика, третья лотачка,
 Хараша лотка изукрашина
 Пушками, ружьями изукладина,
 Добрами моладцами йюсажина,
 Впереди сидит атаман с вяслом,
 Позади ево есаул с багром,
 20 Всириди сиди красная девушка,
 Ана плачи, что река льетси,
 Возрыдае, что вална бьетца.
 Што приснилси мне нихарошай сон:
 Каса русая расплятаици,
 Шалков пояс распаясалси,
 Залот перстень разпаён лижить.

№ 42

За Кубаном огни гарять,
 А по полю дымно,
 Пошли наши казачуньки,
 Чуть росыньки видно.
 Они идут маладыя,
 Назад поглядяют,
 Назад-назад поглядяют,
 Чижало вздыхают:
 — Астаются наши дома
 10 Маладыя жоны,
 Маладыя наши жоны,
 Есть малыи дети.
 Вот задумал казаченька
 В Грузей померети,
 Помир-помир наш палковник
 Своей скорой смертью.
 Положили козаченьку
 На травку-муравку
 Лежи-лежи, казаченька,
 20 Со вечера до йютра,
 Мы доложим полковничку,
 Выраим магилу.
 Лишь пазволь, граф Паскевич,
 Сделаим грабницу,
 Мы исделаем грабницу,
 Тёмною тимницу.
 Тела несут, каня ведуть,
 Конь головку клонить.
 — Проржи-проржи, конь вороный,
 30 Против маво дома.

Июслышала ево мати
 В каминной палати.
 — Как была бы я кукушка,
 Были б сизыя крылья,
 Возлителя-полителя
 В турецкую землю,
 На крайню границу.

№ 43

Ох, да слабада ли ты моя, слабодушка,
 Слабада ты ли моя, сяло новая,
 Сяло новая, разоряная!
 Разорил-та сяло степной стараста,
 Стяпной стараста, горький пьяница:
 Ён вина-та ни пьёт, с кабаку нийдё,
 С кабаку-то ён нийдё, всегда пьян живё.
 На кабак-та идё,— пьян шатаёца,
 С кабака-та идё,— ён валяица,
¹⁰ За шалковой-то ён травушку, мил, хватаица

№ 44

Я мала была — горя не было,
 Выростать стала, горе прибыло.
 Как замуж вышла я за старого,
 Я за старого, за ревнивого.
 Он ложится спать не по-людскому,
 Не по-людскому, по-дурацкому,
 По-дурацкому: ко мне спиной.
 Промежду-то нас змея лютая,
 В головах у нас, что сугроб снегу.
¹⁰ Ты взойди-взойди, туча грозная,
 Убей ты, убей змею лютую.
 Воссияй-воссияй, солнце красное,
 Разогрей-разогрей тот сугроб снегу.

№ 45

Ты воспой-ка, воспой,
 Воспой, жавороночек,
 Воспой, жавороночек,
 Весной на проталинке!
 Ты утешь-ка, утешь
 Меня, добра молодца,
 Меня в каменной Москве,
 Меня в каменной Москве,
 Меня в крепкой крепости.
¹⁰ Я не год-то сижу,
 Сижу и не два года,

РЫНОК В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ
Картина П. П. Верещагина (масло), 1872
Третьяковская галерея, Москва

Я сижу-то сижу,
Сижу ровно три года.
Отец с матерью от меня отказались,
И все сроднички от меня отрекались.
Напишу я письмо
К душе красной девице:
— Ты бери-ка-сь бери
Свои золоты ключи,
²⁰ Отпирай-отпирай
Свои золоты ларцы,
Вынимай-вынимай
Свою золоту казну,
Выкупай-ка, выкупай
Меня, добра молодца.

№ 46

Анюшинька по сеничкам ходила,
Васильевна по новым гуляла,
Анюшинька Ванюшиньку будила:
— Встань-ка, Ванюшка, встань, послушайся меня,
Встань, умойся ключевой, свежей водой,
Утрись, Ванюшка, тонким белым полотном.
Ты послушай, Ваня, что я стану говорить:
Все школьнички принапудривши сидят,
Один Ванюшка не напудрен, не убран.
¹⁰ На нас, Ванюшка, невзгодушка пришла,

Невзгодушка — небыльня слова.
 Как у новых ворот десятки стоят,
 Хотят Ванюшку во солдатухи отдать.
 — Подай, Аннушка, подай пудру — весь убор,
 А еще подай чернилицу со пером,
 А еще подай лист бумажки почтовой.
 Разбирает Ваня свои письменны дела,
 Добирается он до Анюшина письма.
 Напишу я своеручное письмо,
²⁰ Отошлю я в славный Вышний Волочек.
 Во вышнем подворье хорошо,
 У Анюшиньки изголовье высоко.

№ 47

Говорил-то мне сердечный друг,
 Говорил, крепко наказывал:
 — Посмирнее живи, моя любушка,
 Моя сизая голубушка.
 Я наказу его не послушалась,
 Со иным дружкой поводи́лась,
 Со иным дружкой побранилась.
 Как у нас на дворе туман-туман,
 В чистом полюшке погодушка,
¹⁰ Есть у девушки зазнобушка.
 Зазнобил сердце детинушка,
 Зазнобивши сердце, во поход пошел,
 Во поход пошел в ину землю,
 Во ину землю, во Турецкую.

№ 48

Как за реченькой было за Невагою,
 За другой рекой было перед Прагою.
 Не ковыль-трава, травушка шатается,
 Зашатался тут добрый молодец,
 Он служил царю, царю белому,
 Царю белому, Петру Первому.

Все записи П. И. Якушкина печатаются по автографам собирателя, хранящимся в ЛБ, ф. 125 и ГИМ_е ф. 56.

«ФОЛЬКЛОРНЫЙ ДНЕВНИК»

Рукопись представляет собою тетрадь в 10 лл., спитых суровыми нитками (ГИМ, ф. 56, л. 27-ж). Запись карандашная, полевая, от времени стершаяся, едва различимая. Титульного листа нет. На л. 1 поставлена дата: «1846 г., июля 31». А ниже: «7 верст от Москвы по Коло〈менке〉». Сверху чернилами: «Прощай!» На последнем листе указан индекс-паспорт — 114-6. В свое время песни из этой тетради были переписаны Киреевским (на листочках-восьмушках), часть из них сохранилась до нашего времени, некоторые тексты были напечатаны. Находка этой тетради-дневника дает возможность точнее выяснить методику записи песен Якушкиным, ту обстановку, в которой они бытовали, и певцов, от которых они записаны. Песни не пронумерованы. Всего 34 песни.

№ 1. Старинная семейная лирическая песня. Встречается в песенниках начала XIX в. (см., например, «Новейший российский избранный песенник», ч. II. М., 1817, стр. 58). В некоторых вар. начало песни более развернуто: Соб., т. III, № 300.

№ 2. Хороводная песня. Известна, впрочем, и как «круговая» («Этнографический сборник», в. VI, 1866, стр. 72). Встречаются более распространенные вар. ее: «Народ-

ных фольклорных сборниках (СС, в. 7, № 33; *НС* № 1509, 1698, 2552; Соб., т. I, № 117, 126—128). Наиболее сходный вар., только более полный, был записан в Саратовской губ. (см. «Русские народные песни, собранные в Саратовской губернии А. Н. Мордовцевой и Н. И. Костомаровым». — «Летописи русской литературы и древности», издаваемые Н. Тихомировым», т. IV. СПб., 1862, стр. 54).

№ 3. Контаминированный текст. В *НС* (№ 2429) опубликован вар., в котором молодец «песенку поет», а «сударушка» зовет его в терем, где хочет напоить «пивом допьяна», а потом спросить:

Ты скажи, скажи, миленький дружок,
Одной ль любишь меня?

№ 4. Своеобразный вар. распространенной любовной лирической песни (см. *НС* № 2297). «Там же» — т. е. в с. Гололобове Зарайского у. Записана, очевидно, от того же мальчика Васи.

№ 5. Распространенная песня-баллада. Имеется множество вар. в самых различных фольклорных сборниках (СС, в. 7, № 33; *НС* № 1509, 1698, 2552; Соб., т. I, № 117, 126—128). Наиболее сходный вар., только более полный, был записан в Саратовской губ. (см. «Русские народные песни, собранные в Саратовской губернии А. Н. Мордовцевой и Н. И. Костомаровым». — «Летописи русской литературы и древности», издаваемые Н. Тихомировым», т. IV. СПб., 1862, стр. 54).

№ 6. Семейная лирическая песня. Вар.: *НС* № 1667, 1694. Буква «а» в ст. 3, очевидно, относится к слову «потужу»: Якушкин сомневался, правильно ли он записал произношение этого слова певцом. Знак «!», в ст. 4, означает подтверждение в правильности записи слова «поглижу».

№ 7. Текст контаминирован. Вар. первой половины песни: *НС* № 1854, 1929, 2004. Контаминация этой песни с другими песнями — обычное явление (см., например, *НС* № 1778, 2664).

№ 8. Песня сатирически изображает нравы духовенства. Близкий к этому текст записан Кольцовым (см. настоящ. том, № 18).

№ 9. Хороводная песня. Припев «Ай ли, ой ли да люли», вписанный Якушкиным на полях справа, по-видимому, повторяется после каждых двух строк с повторением предыдущей строки.

№ 10. Весьма распространенная семейная лирическая песня, известная почти во всех губерниях России (*НС* № 1309, 1419, 1481, 1665, 1680, 1853, 1905, 2519, 2664; Соб., т. II, № 262—269; т. III, № 1241—1242). Во многих вар. последний ст. «Он сам нийдет, письма ни шлет — знать сам пропал» отсутствует. Обычно эта песня имеет зачины, эмоционально предваряющие все содержание песни: «Калинушка с малинушкой, лазоревый цвет» (см., например, «40 народных песен, собранных Т. И. Филипповым и гармонизированных Н. А. Римским-Корсаковым». М., 1882, № 15), «Подуй, подуй, мать погодушка низовенькая, / Раздуй, раздуй, мать погодушка, калину в саду, / Калинушку с малинушкой, лазоревый цвет!» (Пальчиков, № 53) и др.

№ 11. Величальная песня. Первые пять ст. обычно с данной песней несвязываются.

№ 12—14. Величальные песни.

№ 15. Эта песня, как и печатаемые ниже под № 16—24, находится в черновой тетради (ГИМ, ф. 56). Таких тетрадей две. Все песни идут в них одна за другой без всяких пояснений. Песни пронумерованы (всего 83 текста). Поскольку песня № 83 не закончена, то, надо полагать, ее продолжение было в следующей, третьей тетради, которая не сохранилась. Никаких помет о месте и времени записей нет. С текстов песен из этих тетрадей были сняты копии рукой П. И. Бартечева. Многие из них сохранились и находятся в фонде Киреевского в ЛБ. Они были известны издателям *НС*, но ни одна из песен не была напечатана. Исторические песни были изданы в СС. Бессонов печатал тексты по копиям. Поскольку на копиях Бартечева поставлен паспорт-индекс — 5-6, то, следовательно, все эти песни записаны Якушкиным в Данковском у. Бессонов же, печатая исторические песни, не счел нужным обратиться к подлинным записям (как и в большинстве случаев), а воспользовался копиями и допустил ряд ошибок в паспортизации текстов.

О времени записи песен можно сделать лишь некоторые предположения. Судя по характеру тетрадей (относительно аккуратный почерк, небольшое количество поправок в текстах и т. п.), перед нами не полевые записи, а переписанные и систематизированные (исключены другие жанры фольклора, которые в полевых записях Якушкина перемежаются с песнями), они предназначались, должно быть, для отсылки в Собрание Киреевского. Очевидно, переписку песен собиратель производил в месте их сбора, где он пользовался карандашом. Поскольку перед нами беловые тетради, то естественно ожидать находки и их чернового дублета (черновые записи собиратель также отправлял в Собрание Киреевского). Действительно, в архиве Киреевского находится полевая тетрадь, датированная 1847 г., с записями песен в Данковском у. (тексты из этой тетради напечатаны М. Н. Сперанским в *НС* № 1838—1849). Однако среди этих песен не нашлось ни одной, которая бы входила в состав разбираемых нами тетрадей. Значит песни эти были собраны в Данковском у. не в 1847 г., а в другое время, но когда? Раньше или позднее? Судя по почерку (он кажется несколько крупнее почерка 1847 г. и с годами становился все мельче и мельче), можно полагать, что раньше. Очевидно, в 1846 г. Якушкин, расставаясь с Москвой, держал путь именно на Данков

(ему предстояло, как он заявлял в дневнике, 360 верст пути, что и равно, приблизительно, расстоянию от Москвы до Данкова). По дороге он заходил в различные места (в том числе и в Зарайск) с целью записи песен. Следовательно, эти две тетради, по-видимому, являются продолжением зарайской тетради-дневника и относятся к тому же 1846 г. Публикуемая песня представляет собой контаминацию песенных мотивов. В тетради помещена под № 8.

№ 16. Контаминация песенных мотивов. В тетради под № 21.

№ 17. В тетради под № 26. Весьма распространенная любовная лирическая песня. Встречается в записях XVIII в. («Новое и полное собрание российских песен», ч. III. М., 1780, стр. 113). Известна как «проголосная» («Круговые игры и песни в селе Ушаковском Пермской губернии, Шадринского уезда. Собраны В. Я. К о к о с о в ы м». — «Записки имп. Русского географического общества по Отделению этнографии», т. II. СПб., 1868, стр. 410), «хороводная» («Песни крестьян Владимирской и Костромской губерний. Собраны и изданы Александром С м и р н о в ы м». М., 1847, стр. 136). Вар.: *НС* № 1126, 2926; Собр., т. II, № 49—58; т. III, № 567—568.

№ 18. В тетради под № 27. Солдатская песня. Очень близкий к этому текст напечатан в *СС*, в. 10, стр. 464 и перепеч. в *НС* № 2086 (записанный также Якушкиным в с. Сабурове Малоархангельского у. Орловской губ.).

№ 19. В тетради под № 37. Одна из ранних рабочих песен.

№ 20. В тетради под № 39. Широко распространенная хороводная плясовая песня, сатирически изображающая монастырские нравы. Известна в записях XVIII в. («Новое и полное собрание российских песен», ч. IV. М., 1780, стр. 133). Вар.: Собр., т. VII, № 337—342. В тетради под № 15 помещен очень близкий к этому текст (возможно, другая его запись).

№ 21. В тетради под № 45. Один из полных вар. исторической песни о татарском полоне. Вар.: *СС*, в. 7, стр. 188—213.

№ 22. В тетради под № 55. Конец песни сокращен. Обычно в других вар. купец просит спасти его лавочку.

№ 23. В тетради под № 63. Солдатская песня.

№ 24. В тетради под № 71. Бурлацкая песня. Известна в записях XVIII в. («Новое и полное собрание российских песен», ч. II. М., 1780, стр. 195). Встречается с обозначением: «протяжная», «полупротяжная» (К а ш и н, кн. II № 20). Вар.: *НС* № 1561; Собр., т. IV, № 550—553.

№ 25. Эта песня взята из отдельной тетради в 12 лл. (последние 6 лл. — чистые). Хранится в ЛБ (ф. 125, п. 54). Тетрадь могла быть известна издателям *НС*, но напечатана из нее всего лишь одна песня (№ 2760 — без указания имени собирателя) о Скопине. На л. 1 (2261) помета Якушкина: «Языково, Ефремовского уезда, 1847, апр. 24». Несколько ниже надпись его же рукою: «Д. Орлик, Чернского уезда от Ефремова» 57 верст». На последнем листе — паспорт-индекс — 1-6, что и означает: песни, записанные Якушкиным в Чернском и в Ефремовском уездах Тульской губ. На первом же листе стоит помета Киреевского: «Доставлена от П. И. Якушкина». Как и во всех полевых рукописях, здесь встречаются и произведения других жанров: предание, сказка. Записи велись в различных местах (они указаны в рукописи) Ефремовского и Чернского у. Дата записи собирателем обозначалась. Обычно прибавляется **концовка**:

Ты не плачь, красна девица, не печалься,
Не оставим тебя, красна девица, на чужой стороне.

Вар.: *НС* № 2849.

«ЖУРНАЛ ПЕШЕХОДЦА»

Рукопись представляет собой отдельную, сшитую суровыми нитками, тетрадь в 36 лл. (ГИМ, ф. 56, п. 44-а). Полевые карандашные записи. Тетрадь имеет титульный лист, в верхнем правом углу которого надпись чернилами: «Господи, боже мой» и заглавие, написанное чернилами же: «Журнал пешеходца. Тетрадь первая». Ниже заглавия — шуточный эпиграф:

Путешествие приятно,
Когда некуда спешить:
Положил я аккуратно
В день три мили проходить;
Но и тут не мог погрязнуть —
В срок до места я дойти;
Черт же им велел расставать
Сто трактиров на пути.

Под эпиграфом подпись: «Стих Пробогатого» (должно быть, стихотворение самого Якушкина). В нижнем левом углу дважды написано: «Павел Якушкин». На титульном же листе следующее обращение: «Прочти, Николай, на обороте». А на обороте: «Про-

глядывай, ежели у тебя не достанет терпения всю тетрадь прочесть, просматривай, Николай, заметки на полях *.

Сказки все отдать Луганскому и просить его возвратить мне в Орел, — адрес знаешь, переписать сходу и мои подчеркнутые слова подчеркнуть, с тем же примечанием.

Посылаю эту тетрадь и М. П. Погодину — не знаю, где тебя отыскать.

Скажи, пожалуйста, доволен ли ты моими трудами; ты говорил, что в месяц не напишу тетрадь, а видишь — в три дни.

Стихов не отдавай Киреевскому: я надеюсь их собрать в скором времени порядочную коллекцию: я подружился с одним слепым.

Скажи Петьке про мое житье-бытье.

Можно думать, что *Николай*, к которому обращается Якушкин, — Н. А. Костров. Далею (Луганскому) Якушкин передавал записанные им сказки. Эти сказки были переданы Далем А. Н. Афанасьеву и напечатаны в его сборнике. *Петька* — должно быть, Киреевский.

Вся тетрадь составлена из текстов, записанных в с. Андроновском Лихвинского у. Калужской губ. Песни же с. Гремучий колодец, которые встречаются здесь, очевидно, тоже записывались в с. Андроновском от бродячих крестьян-портных. От них же записан и словарь офеней. В с. Андроновском (иногда оно называется Андроновкой) Якушкин записал множество текстов, в «Дневник пешеходца» вошла лишь некоторая их часть (надо полагать, за первой тетрадью дневника следовали другие; подлинники их не сохранились). В *НС* из Андроновского напечатано довольно много, частично и из настоящего дневника. Весь же дневник издателям был недоступен, и печатание велось по другому источнику. Песни из этого дневника, должно быть по поручению Якушкина, были кем-то переписаны в отдельные тетради. Так, в ЛБ хранятся две тетради (лл. 1496—1503 и 1504—1509) с индексом-паспортом — 109-б. Они были описаны М. Н. Сперанским, но напечатаны из них были лишь единичные тексты (очевидно, также по другим источникам).

№ 26. Во время работы Якушкина над Собранием Киреевского в его распоряжении было восемь вар. этой исторической песни (см. ее публикацию в «Русской беседе», 1857, т. II, кн. 6, стр. 26—27). Данный вар. почему-то не был учтен Якушкиным, не напечатал его и Бессонов, издавая «Старую серию». Наиболее близкий текст в *СС* (в. 8, стр. 41) приписан Якушкину же и отнесен к с. Сабурово Орловской губ. Любопытно отметить, что над этой песней работал еще в 1830-е годы сам Киреевский. В его письме к Н. М. Языкову от 21 февраля 1834 г. читаем: «Да не случится ли тебе где-нибудь встретить объяснение следующим песням, которые и по складу и по содержанию должны быть о чем древнем». И далее Киреевский указывал песни, в числе которых была и такая: «Какой-то князь Голицын возвращается с полками в Москву и пробирается переулками, потому что ему *городом ехать стыдно*. Он останавливается против Успенского собора и молится, скинув свою *соболью шапку*; потом упрекает царя, зачем он больших господ жалует, а чернь разоряет; и наконец просит, чтобы царь ему пожаловал город *Малый Ярославец*. Царь ему отвечает:

Я тебя, князь Голицын, жалую
Двумя столбами с перекладиной,
На шею на твою шелковую петельку»

(Письма Киреевского к Языкову, стр. 63). М. К. Азадовский в связи с этим писал: «Очень любопытно упоминание *песни о князе Голицыне* — имеется в виду В. В. Голицын, сторонник и друг Софьи. Точно такой песни нет среди напечатанных Бессоновым (вып. 8), — очень возможно, что в своем описании Киреевский соединил описание двух песен, записанных им в Московской губ. (с. Воронки, помечено „23 июля“, без года) и в Орловском уезде» (там же, стр. 65).

№ 27. Текст контаминирован.

№ 28. Солдатская песня. Начало ее явно не согласуется с дальнейшим текстом. Как правило, начало песни также идет от лица молодца. Вар.: *НС* № 2019. В ЛБ (ф. 125, п. 48, л. 1505) хранится копия этой песни.

№ 29. Контаминация песенных мотивов. В ЛБ (ф. 125, п. 48, л. 1499) — копия.

№ 30. Контаминированный текст. Вар.: *НС* № 1655. Вар. начала песни: Соб., т. VI, № 512—514. В ЛБ (ф. 125, п. 48, л. 1506) — копия.

№ 31. Свадебная песня. Вар.: *НС* № 1827. В ЛБ (ф. 125, п. 48, л. 1503) — копия.

№ 32. Эта и печатаемые ниже песни под № 33—40 взяты из рукописи, представляющей собою 26 разрозненных листов (ЛБ, ф. 125, п. 57, лл. 2886—2911). Рукопись обернута свернутым листом бумаги, на котором неизвестным почерком (должно быть, кем-то из сотрудников Отдела рукописей Библиотеки) написано: «Якушкин».

Анализ рукописи показывает, что за исключением текстов первых двух листов (2886—2887), написанных неизвестной рукою, все остальные тексты записаны характерным почерком Якушкина. К какому времени относится рукопись, сказать трудно, но, судя по почерку и бумаге, она приблизительно может быть датиро-

* На полях рукописи против каждого текста пояснение, раскрывающее его характер: «Дневник», «Сказка», «Песня», «Словарь офеней» и т. п. — А. Б.

вана концом 1840-х годов. О месте же записи песен пока сказать ничего нельзя. Ни один из этих текстов напечатан не был. Рукопись сохранилась не вся: она открывается песней № 13 (нумерация Якушкина) и заключается песней № 84, конца которой недостает. Что же касается первых двух листов, то принадлежность их Якушкину может вызвать некоторые сомнения. Никаких надписей, помет или каких-либо других свидетельств, подтверждающих принадлежность их ему, нет. Почерк же более крупный и написание некоторых букв иное, чем в других рукописях Якушкина. Возможно, что рукопись относится к более раннему времени. Об этом, в частности, говорит и карандашная помета (все записи в рукописи сделаны чернилами) почерком уже более похожим на почерк зрелого Якушкина: «Продолжение „Детской поэзии“» (л. 288б). Очевидно, эта надпись произведена позднее текста рукописи.

Вар.: *НС* № 1769; Соб., т. V, № 305—306.

№ 33. В тетради под № 24. Один из самых полных текстов песни. В других вар. исчезновение девицы и коня не объясняется. Здесь же девица оказывается пленницей турка.

№ 34. В тетради под № 34. Вар.: *НС* № 2547.

№ 35. В тетради под № 39. Контаминированный текст. Вар.: *НС* № 1352.

№ 36. В тетради под № 41. Широко распространенная песня. Вар.: Соб., т. II, № 597, 599, 600.

№ 37. Распространенная песня о так называемых «загадках». Вар.: Соб., т. I, № 458—469. Количество загадок, которые молодец задает девушке, варьируется — от одной до семи. В народе известна как «загадочная» (Студитский, стр. 5), «проголосная» («Этнографический сборник», в. VI, 1866, стр. 89) и т. д. Публикуемая песня представляет собой особую разновидность песен о «загадках» — молодец предлагает такие «загадки», которые не выполнимы.

№ 38. В тетради под № 56. Семичная протяжная песня, широко известная в центральных и северных губерниях России (см. Соб., т. II, № 272—273; т. V, № 251—255, 266). Вар. ее встречаются в песенниках 1780, 1810, 1812, 1819, 1821 гг. и в «Этнографическом сборнике» 1861 г. Публиковалась как «науличная», «посиделочная», «круговая». В Тамбовской губ. (Соб., т. V, № 256) была записана как «солдатская». В рассказе И. С. Тургенева «Певцы» эту песню поет рядчик.

№ 39. В тетради под № 65.

№ 40. В тетради под № 78.

№ 41. Эта и печатаемые ниже песни № 42—43 находятся в рукописи, представляющей собою девять отдельных листов (ЛБ, ф. 125, п. 44, лл. 1148—1156). На первом листе надпись Якушкина: «Тетрадь 3». Никаких помет о времени и о месте записи песен нет. Предположительно их можно отнести к концу 1840-х годов. С текстов в свое время были сняты копии П. И. Бартевным; некоторые из них сохранились. На копиях также никаких помет нет (в том числе и индекса-паспорта). Издателями *НС* рукопись была описана, но напечатана из нее только одна песня (№ 2876) по копии, хранящейся в ГИМе. Публикуемая песня помещена на л. 1149. Вар.: *НС* № 1670, 2480.

№ 42. Солдатская песня (л. 1152).

№ 43. Контаминированный текст (л. 1153).

№ 44. Семейно-бытовая песня из отдельной сшитой тетради в 22 лл. (ГИМ, ф. 56, п. 112-б). Начала и конца тетради нет (возможно, она является непосредственным продолжением другой). Рукопись открывается песней № 17 и заканчивается песней № 36. Почерк, должно быть, не Якушкина, а кого-то из его близких, помогавших ему переписывать песни. Никаких помет на тетради нет. Принадлежность ее Якушкину устанавливается по тем песням, с которых были сняты копии. На некоторых из этих копий проставлены паспортные данные. Так, под текстом песни «Девца по садику гуляла» (напечатана в *НС* под № 2699-б; в тетради она числится под № 26) указано: «П. И. Якушкин, Данков, Ряз., 26 апр. 1847». То, что эти сведения верны, подтверждается и самим характером записей. Так, например, к песне под № 29 («Туман, туман на долине») собирателем сделано примечание: «Эта песня взята у Данковских однодворцев в Мязинце». Публикуемая песня в тетради под № 22.

№ 45. Широко распространенная тюремная песня-баллада, по-видимому, сибирского происхождения (см. В. Г. Ш о м и н а. Тюремная песня «Ты воспой, воспой, жаворонок»). — В сб.: «Фольклор как искусство слова», в. 1. Под ред. Н. И. Крайнова. М., изд-во МГУ, 1967, стр. 95—111). Помещена в тетради в 14 лл. (продолжение предыдущей рукописи). На л. 1 — окончание песни под № 21. Текст публикуемой песни под № 23 (ед. хр. 12, л. 2—2 об.). Встречается в рукописных песенниках XVIII в. (см. Чернышев, стр. 132 — текст этой песни из рукописного песенника 1767 г.). Вар.: *НС* № 1403, 2068, 2482; Соб., т. VI, № 485—494.

№ 46. Рекрутская песня. Помещена на отдельных, должно быть вырванных из тетради листах (ед. хр. 10, лл. 3 об. и 4, в рукописи № 8). Общий заголовок: «Песни, замеченные в Тверской губернии». Вар.: *НС* № 2979.

№ 47. В рукописи под № 9. Рекрутская песня. Вар.: *НС* № 1696, 2104.

№ 48. В рукописи под № 10. Солдатская песня об эпохе Петра I. Вар.: *НС* № 1274; Соб., т. VI, № 181—184.